

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

ЛЮДИ НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Свидетельские показания соучастника

Глава 9 Спаянные одной страстью

Мои первые охотничьи опыты относятся к подростковому возрасту. После войны степь, прилегающая к Сталинграду, какое-то время не распахивалась: слишком много мин и снарядов находилось в земле. А там, где засеивались первые гектары, не применяли гранулированные удобрения. Всё это создавало прекрасные условия для размножения куропаток. И люди видели, как вечером эти птицы стаями летели где-то около Мамаева кургана и на окраинах города, бились о провода и падали мёртвыми. Народ их собирал, была еда.

А мы, пацаны, в это время стали пользоваться так называемыми поджигами. Поджиг – это вроде пистолета. На деревянное ложе накладывалась трубка, которая загибалась на ручке. Около загиба делался пропилен. В трубку набивалась спичечная сера, потом бумага в виде пыжей и нарубленные зубилом кусочки гвоздей. Рядом с пропилом прикреплялась спичка, по ней чиркали, она зажигала ту серу, которая в трубке, и раздавался выстрел. И гвозди летели довольно далеко. Я вспоминаю, кого-то даже ранило.

Но мы поняли, что так можно охотиться на куропаток. И первые такие выстрелы я тоже делал, как и другие пацаны. Не скажу, чтобы очень удачно. Правда, и попасть было нетрудно, потому что куропатки летели большими стаями. Это была даже и не охота, а какие-то попытки, ибо какой пацан после войны, тем более в Сталинграде, не хотел бы подержать в руках оружие! Кстати говоря, здесь его было так много, что сплошь и рядом ребята носили пистолеты, были автоматы, некоторые даже держали пулемёты.

Ружейное братство

Настоящая охота у меня началась, когда я приехал после Смоленска в Волгоград. Случайно как-то познакомился с кем-то из охотников, съездил с ними ещё без ружья. Меня это захватило. Я купил ружьё, которое, кстати говоря, у меня было до недавнего времени. Это с конца 60-х годов до сих пор. Ну, кроме него, ещё было оружие.

Я стал ездить на охоту. Ездил несколько раз с директором универмага, в подвале которого в 1943 году взяли в плен Паулюса. Интересный был человек – этот директор. Воевал. Много знал. Я о нём однажды написал. Мы с ним в степи тоже стреляли куропаток.

Окончание. Начало в № 2, 3 за 2022 год.

Работая в “Волгоградской правде”, я однажды наткнулся на письмо из города Волжского от охотинспектора Юрия Шубина. Известно, что в редакциях нередко встречаются журналисты, которые знают и хорошо освещают какую-то любимую ими тему. Меня интересовала природа. Естественно, мне попадались письма, касающиеся её охраны, охоты, рыбалки, лесонасаждений. В своём письме Ю. Шубин писал о том, что браконьеры из власти подводят его под уголовную статью. А надо сказать, что Росохотрыболовсоюз и госохотинспекция всё время имели натянутые отношения. Это происходило и наверху, и в низовых звеньях. И вот областное общество охотников обрушилось на этого охотинспектора за то, что он задержал влиятельных браконьеров.

А где задержал? К этому времени в Волжском был построен огромный химический комбинат. И у него по технологии были образованы так называемые пруды-накопители, куда он сбрасывал отработанную воду. Сначала первый был пруд большой, там вообще, по-моему, адская была смесь. Оттуда – в другой, в третий и, наконец, в так называемый большой лиман Волжского химкомбината. Этот водоём был виден из космоса благодаря своим размерам. С годами он зарос камышом, образовались огромные острова. И среди охотников он получил название “Химдым”. Так вот в этом “Химдыме” была прекрасная утиная охота, ибо на пути к югу осенью и с юга на север весной здесь останавливались десятки тысяч уток. Я раза два туда ездил, пока мне не попало это письмо.

Я приехал в Волжский. На окраине города жил в частном доме Юрий Шубин. Разговорился с ним. Он мне показал протоколы, другие документы на задержанных браконьеров.

Вернувшись в Волгоград, я пришёл к председателю областного общества. Захожу, сидит могучий старик, весь обросший, по-моему, у него даже из ноздрей, из ушей волосы растут. Он мне сразу напомнил истукана с острова Пасхи. Я рассказываю ему историю Шубина. Он мне небрежно: “Да ладно, это всё ерунда”. Я узнал, что этот старик давно уже руководил волгоградским обществом охотников и рыболовов, что он был оставшей милиционер при каком-то высоком звании: полковник, что ли. И, конечно, он поддерживал тех, кто при власти. А тут какой-то охотинспектор задержал некоторых из них, начал протоколы составлять. Они попёрли на него.

Я написал статью в защиту Шубина. Этот истукан с острова Пасхи отреагировал небрежно, типа: ходят тут всякие, пишут.

А надо сказать, что редактор “Волгоградской правды” Алексей Митрофанович Менько был человек принципиальный. И когда он видел, что на выступления газеты реагируют примерно так: “Да пошли вы, ребята!” – он заводился. Но заводился не так, как Иванов в Ярославле, бурно краснея, вздымая волосы, а весь собирался, недобро прищуривал глаза и говорил: “Ну-ка, иди сюда. Что там у нас ещё имеется?” А имелось уже немало. Пошли письма от других охотинспекторов, от охотников с критикой областного общества. Я дал вторую статью – разгромную. Причём обоснованную. А Менько в конце ещё приписал: “И куда смотрит центральный райком партии Волгограда?!” Председателя тут же переизбрали, выгнали. Ну, ему было уже, наверное, 80 лет с лишним. Избрали кого-то другого. А к Шубину я стал ездить на охоту. И у меня официальное появилось разрешение, похожее, как я говорил, на мандаты времён революции 1917 года. В разрешении перечислялось всё, что я мог добыть. И там, в этом “Химдыме”, я тренировался стрелять: влёт, в угон, на штык, на подлёте. Потому что патроны были металлические, и снаряжал я их сам.

К тому времени я продал мамин дом и купил машину “Москвич-412”. Приезжал на нём на работу в редакцию. В машине было уже и ружьё, и патроны, и одежда. Поскольку я ещё поддерживал гаишников, у меня были тёплые отношения с начальником ГАИ Борисом Ивановичем Цветковым, нормальные отношения, без всяких заискиваний с обеих сторон. Он мне дал пропуск, так называемый “вездеход”, с красной полосой. Я садился в машину в центре Волгограда и летел на северную окраину, а это 25–30 километров. Потом через плотину Волжской ГЭС, и к Шубину. Там я охотился.

Помню, как в один из первых раз приехал к нему после моих выступлений, когда всех разгромили, браконьеров осудили, по крайней мере, они отстали от Шубина. Он вызвал своих сыновей – двух подростков, и сказал:

“Вот, запомните, это Вячеслав Иванович, он спас вашего отца. Вы должны это не забывать”.

Я охотился в этом “Химдыме” все годы, пока не уехал в Ярославль. Но не только на уток и гусей я охотился в Волгоградской области. Благодаря природоохранным мероприятиям здесь появились лоси. Они спускались с северных регионов через центральные в этот южный регион. Жили они и питались в Волго-Ахтубинской пойме. Там я тоже охотился. И должен сказать, что мясо лосей нас поддерживало, начиная с ноября где-то по март.

После второго приезда в Ярославль я стал уже заядлым охотником. Задружился с руководителями областного общества охотников, с руководством охотинспекции. Ездил два раза в охотхозяйство Ярославского шинного завода. Оно находилось в Ростовском районе, недалеко от городка Петровска. Оно и сейчас там, наверное, находится, если, конечно, существует. База хозяйства на берегу речушки. На высоком косогоре – двухэтажный дом. Хороший дом, добротный. На втором этаже несколько комнат для гостей, на первом этаже – комнаты для егерей и водителей. На первом же этаже кухня и большая столовая, где могут разместиться человек тридцать. И вот там мы после каждой охоты собирались. Один из наших “орлов” – специалист по приготовлению печени Лапский – жарил печёнку. Второй спец – Том Фетисов – обжаривал вермишель. За длинный стол садились все вместе – мы, известные, работники хозяйства, егеря, водители. Приезжал два директора шинного завода, Герой Социалистического Труда Владимир Петрович Чесноков. Каждый раз встречал нас председатель заводского охотколлектива Тимофей Фёдорович Новиков – интереснейший самобытный человек, которому я дал кличку “Маманя Груня” и которого описал в рассказе “Маманя Груня и монах”.

В нескольких десятках метров от дома на реке была баня. К ней пройти можно было с берега по мосткам. А с другой стороны – выход из парилки по ступенькам в воду или, если зимой, в прорубь. Баня была шикарная: большой предбанник с хорошим столом, с камином. Человек пятнадцать можно было усадить за этот стол.

Однажды, ещё работая в “Волгоградской правде” и будучи внештатным корреспондентом второй газеты страны, я приехал в Москву и зашёл в отдел информации “Известий”. Там меня уже заочно знали, поскольку давал немало информации. Познакомился с редактором отдела Юрием Васильевичем Пономаренко. Это был среднего роста плотный мужчина, даже немножко полнеющий, с круглой головой, коротко стриженный. Глаза часто прищуренные, смеющиеся. И вообще он улыбался нередко. Но его взгляд мог быть и жёстким, губы сразу твёрдо сжимались. Чувствовалось, что человек прошёл войну. Юрий Васильевич имел один из высших орденов Польши, потому что первым посадил самолёт ещё в горящей Варшаве. И считался польским героем.

Через него проходила моя проблемная корреспонденция “Право на выстрел”. И, можно сказать, мы с ним были заочно знакомы. Разговорились. Оказалось, он тоже охотник, причём с большим стажем. Поэтому, когда я переехал в Ярославль и появился снова в Москве, договорившись при этом с руководством охотколлектива Ярославского шинного завода, что я приеду со знакомыми “известинцами” на весеннюю охоту на тетеревов, мне дали добро.

Я позвонил Юрию Васильевичу, и он приехал, взяв с собой Игоря Карпенко. Вот так я познакомился с Карпенко. Мы пошли ночью в поле. Там стояли шалаши. Это была моя первая охота на тетеревов. Я даже не знал, как всё будет. И вдруг перед рассветом послышались волнующие бормотания. Вот так я познакомился с известинскими охотниками.

В следующий раз приехали уже несколько человек, но теперь осенью, для охоты на копытных – на лося, на кабана. Приехал Надеин Владимир Дмитриевич, Игорь Александрович Карпенко, Пономаренко Юрий Васильевич, приехал Фетисов Том Иосифович, и, по-моему, в этот раз впервые появился в нашей компании знакомый Игоря Карпенко Володя Страхов, или Владимир Александрович Страхов.

И начались наши интенсивные интереснейшие охоты. Чего только мы не видели, каких только у нас приключений не было! Некоторые из них я описал в романе “Крик совы перед концом сезона”. Причём были такие моменты... Едем в “кунге” (это машина с закрытым кузовом), сидим битком, нас там человек шесть, ещё егерей человека четыре-пять. Тесно сидим. Тут же собаки

в ногах лежат. Идёт разговор, плетётся одно за другое, второе, третье за четвёртое. Я несколько раз думал: вот где надо всё записать, потом ведь пригодится. Разговоры о политике и о женщинах, о газете и реальной жизни, о загранице и о том, что у нас. И всё это идёт непрерывно.

Машина прыгает на кочках. Нас подбрасывает. Мы хватаемся друг за друга, смеёмся. Снова кто-то начинает какую-то тему, другие её подхватывают. Это были интереснейшие часы. Мы всё больше и больше сплывались, всё более тесным становилось наше общение.

Немного скажу о каждом из моих друзей. Главным в компании, если так можно сказать, непререкаемым авторитетом был Владимир Надеин. Он работал редактором отдела фельетонов “Известий”. Очень талантливый человек. Перед тем работал в журнале “Крокодил”. Написал фельетон, который касался одного из первых секретарей обкома партии на Украине. Тот обиделся. Пожаловался Хрущёву, решил, что это неправильно.

Это были хрущёвские времена. Володю из “Крокодила” уволили. Он мне говорил: “Представляешь, ещё вчера мне до ночи не давали даже уснуть звонками дома. Звонили-звонили, уверяли, что они друзья, что помогут мне в случае чего, только сейчас надо помочь им”. Как только его уволили, с утра – ни одного звонка. И очень долго так было. Потом он пришёл в “Известия”, стал работать там в отделе фельетонов. Редактором был Семён Руденко, корреспондентом, таким же как Надеин, был Эльрад Пархомовский. Со временем Надеин возглавил отдел.

Вот он был как бы формальным и неформальным лидером нашей компании. И эту его роль никто не оспаривал. Даже Игорь Карпенко, энциклопедически образованный человек, ум которого был заполнен фантастическим объёмом знаний из разных сфер жизни, даже он, который мог бы поспорить с Надеиным по объёму знаний, даже он признавал лидерство Надеина. Володя был остроумен, весел, хороший организатор, отзывчивый человек. Именно он приезжал ко мне в Казахстан, когда меня за мои критические выступления решили прихватить и изобразили якобы браконьерскую мою охоту с председателем областного охотобщества. Состоялся даже суд, но всё рассыпалось. А до этого Надеин приезжал в Ярославль после моего фельетона о разворовывании материалов. Я об этом писал раньше.

Скажем, Том Фетисов не имел никогда машины, но был заядлым охотником. И оставить его без выезда было просто невозможно. Надеин забирал его из дома, вёз на базу, а потом отвозил домой.

Он был крупного размера, с немного нависшими над серыми глазами веками, с небольшими чёрными усами. В тот период он чаще был человеком добрым, смеющимся, хохмачом, ну, и спорщиком. А Игорь Карпенко, ум которого тоже был забит множеством знаний, выглядел иным. Он был ниже среднего роста, широкоплечий, плотный, как спортсмен, который оставил спорт. Я ему дал кличку Домкрат, ибо сила у него была большая. Спокойный, невозмутимый. Даже когда мы вместе с ним работали, я никогда не слышал какого-то всплеска эмоций. И, наблюдая за ними обоими, я выявил, скажем так, формулу умов. У Карпенко был ум, я его назвал ум-сундук. Спроси его о чём-нибудь – он откроет сундук памяти, пороется в своих слоях, тут же достаёт и говорит. Но дальше эти сведения никак не работают. А у Надеина был ум, который я назвал ум-котёл. Это что-то вроде того, когда варит хозяйка борщ, и уже варево имеет определённый вкус. Вдруг добавляется что-то небольшое, что сразу меняет вкус всего варева. Вот также Надеин. Он быстро находил нужные сведения, загорался от них, и всё начинало светиться по-новому.

Игорь был красив, хотя уже не первой молодости. Ярко-голубые большие глаза. Говорят, когда был молодым, в него влюбилась известная актриса Ия Савина, которая снималась в фильмах “Дама с собачкой”, “Гараж” и другие. И, самое главное, что я хотел бы отметить, он был очень порядочный человек.

С нами в компании одно время ездил бывший главный редактор “Комсомольской правды”, а потом заместитель главного редактора “Известий” Лев Константинович Корнешов. Затем он подтянул своего сына Сашу. Надо сказать, что Саша работал в КГБ. И, насколько нам известно, курировал творческую интеллигенцию. То есть ему надо было как раз среди нас быть. Но, я думаю, он нас не закладывал.

Следующим я бы назвал Володю Лапского. Лапский не всё время с нами ездил, от случая к случаю. Но это был парень, как бы сказать, своеобразный. Он закончил сначала Московский институт иностранных языков, потом учился в Военном институте иностранных языков, знал немецкий, французский, испанский. И готовился ехать, по-моему, в Германию. Но где-то на каком-то приёме, в каком-то посольстве какое-то неосторожное слово сказал. И кто-то донёс “куда надо”. Лапский оказался невыездным. На 20 лет!

Когда мы начали ездить в 1968–1969 годах в Ярославскую область на охоту, его с нами не было. Он в это время работал в журнале “За рубежом”. В “Известия” пришёл в 1973 году, в 1987 году поехал за границу, в ФРГ. В 1992 году вернулся.

Когда я его увидел первый раз, отметил: большой лоб, рыжие усы, лицо удлинённое. Я бы сказал, привлекательное, но по-мужски. Хотя, может быть, привлекает и некоторых женщин. Взгляд ироничный, чуть-чуть надменный. Как оказалось, эта надменность относилась не к нам, а к той системе, которая его 20 лет не выпускала за границу. А наши поездки он считал райскими отдушинами, глотком воздуха.

Действительно, мы все были близки, у нас были интересные разговоры. Он мне рассказал, почему Надеин возненавидел его и стал считать плохим журналистом-международником, хотя раньше было иначе. Якобы одна женщина, которая нравилась Володьке, сказала ему, что Лапа её добивался. После этого произошёл обрыв. Страдая от того, что он невыездной, Лапский, по его словам, находил отраду в любовницах и охоте.

Ущербность от статуса “невыездной” сказывалась на его характере и поведении. Он жёлчно юморил, как-то вызывающе острил. Но в целом он был интересный парень, довольно умный, тоже, кстати, пишущий. Сейчас уже, по-моему, несколько книжек издал.

Был ещё Том Иосифович Фетисов. Маленький, щупленький добрый человек, с вечно слезящимися глазками. Особенно когда выпьет, глазки слезятся, блестят. Такой благодушный. Никогда не кричал, никого не перебивал. Я всех их хорошо описал в “Крике совы...”, кроме Лапского, — его, по-моему, у меня там нет.

Следующим я бы назвал Страхова Владимира Александровича, — нашего госплановца. Подтянутый, худощавый, стройный, собранный. Самый настоящий человек из Госплана. Он нередко приезжал на охоту прямо с работы — в костюме, галстук, в туфлях. Приезжал на своей “Волге”. И уже на базе переодевался во всё охотничье. У него была светлая куртка короткая. А зимой, в морозы, надевал белый тулуп. Кстати говоря, в морозные охоты надевали тулупы Лапский и я — мне когда-то отец подарил его, поскольку командовал каким-то складом. Остальные тоже одевались по погоде: в дублёнки, в тёплые куртки, ибо попробуй постоять минут 40–60 на морозе в 25 градусов в лёгкой одежке! И ведь не сойдёшь с номера без команды — дисциплина была жёсткая. Однажды Ашраф Ахметзянов не услышал сигнала отбоя и стоял в лесу, пока за ним не приехал егеря. А у Ашрафа от мороза лопнули стёкла очков.

Кстати, об Ашрафе. Он влился в нашу компанию несколько позднее. Собранный, волевой, с твёрдым характером татарин, видно было, что он не давал спуску “лесным братьям” в Прибалтике, когда воевал против них. А вообще-то — хороший, весёлый мужик. Мог где-то посмеяться, но не шутник.

Это так немного о нашей компании. Ну, естественно, и обо мне. Как я себя могу охарактеризовать? Говорят, я был и острый, и хваткий. В “Крике совы...” я описал себя в двух ипостасях: и Волков, и журналист Савельев, когда речь зашла об “Известиях”. И чтобы закончить об охоте, расскажу один случай. Приехали в Переславский район. Это самый южный район Ярославской области. Нас расставили на большой просеке. За спиной — лес, и метрах в тридцати — тоже такая широкая просека для высоковольтной ЛЭП. Столбы уходят влево, теряясь где-то вдаль, и вправо. Справа, метрах в двухстах просеку пересекает дорога и уходит в низину с густым лесом. В эту низину уехали наши загонщики. А перед тем, когда мы подъезжали к просеке, туда, в низину, в большой лесной массив, по той же дороге проехала легковая машина. Я увидел на полке, позади задних сидений лежит похоронный венок. Машина скрылась, а нас егеря стали расставлять на номера. Слева от меня, метрах в двадцати, оказался Лапский. Стоим, ждём.

Мороз за двадцать, а голосов загонщиков всё не слышно. Наконец далеко-далеко в лесу послышались крики. Когда наступает такой момент, мгновенно собираешься, весь превращаешься в слух и, не поворачивая головы, шаршишь глазами по лесу за просекой. Голоса сначала были громкие, потом стали тише и вдруг совсем смолкли. Я понял, почему. По югу Ярославской области, то есть именно в этих местах, проходит левая часть так называемой Клинско-Дмитровской гряды. А это холмы, крутые овраги, мелкие и глубокие впадины, снова возвышенности. Видимо, загонщики двинулись в нашу сторону с возвышенности, а потом углубились во впадину. Кричать, наверняка, продолжали, однако голоса их тонули в глубине леса. Не понимая, в чём дело, как я потом выяснил у ребят, все ждали продолжения. Стояли и мы с Лапским, застывшие на морозе.

Вдруг с той стороны, откуда поначалу раздавались голоса загонщиков, донеслись звуки известного похоронного марша Шопена. Я вспомнил легкую машину, венки в ней и понял, что кого-то хоронят в невидимом населённом пункте. И внезапно, скосив глаз, увидел, как Лапский, подняв голову к небу, держа ружьё наперевес, зашагал вперёд. Изумлённый я зашипел: “Лапа, ты куда? Вернись на место!” Кричать было нельзя, зверь мог стоять уже у края противоположного леса. Но и оставлять шагающего, устремившего взор к небу Лапского, тоже было недопустимо. Я снова, теперь уже громче, окликнул ловно потерявшего ощущение реальности Лапского. Он вдруг встал, опустил взгляд на лес, повернул лицо ко мне, и, словно лунатик, пошёл по своим следам назад.

Едва он вернулся на место, слева от нас, метрах в ста, выбежал на просеку лось. Кто-то из наших выстрелил, и лось упал.

Я потом спросил его: “Что произошло?” Володя как-то странно посмотрел на меня и сказал: “Я думал, это голос неба меня позвал. Представляешь, почему в морозной тишине, из глубины глухих лесов зазвучала похоронная музыка?”

Много лет я собирался написать рассказ об этом. Но так и не случилось.

Рыбачьи колориты

Постепенно в наши охотничьи поездки стала вклиниваться рыбалка. Сначала мы ездили ловить рыбу в Подмоскowie, а потом перешли на Астрахань.

Страсть к рыбалке стала проявляться, как говорят, с ранья. После войны жизнь в Сталинграде была далека от сытой. Бабушка варила щи из лебеды. Помогал огород. А летом стала все чаще добавляться в рацион рыба. Ну, какая рыба? Мелочь, которую называли чехондой. Сходив в первые разы с пацанами на берег Волги, я потом уже больше себе не представлял, что можно как-то без этого обходиться. Снасти были у нас примитивные до неприличия: прут – удилище, нитка катушечная и какой-то крючок. Но рыбы мелкой – чехонды – были тучи. Поэтому мы возвращались к концу дня по домам, увешанные крест-накрест, как пулемётными лентами, низками этой чехонды. Она была маленькая, но жирная. Из неё делали котлеты, её жарили, с ней варили уху.

Постепенно я стал ездить за Волгу, переезжать на парходике и ловить рыбу уже там. Кстати говоря, об этих рыбалках у меня есть два рассказа: “Казнь С. Разина” и “Лучше бы не было того табора”. Оттуда я уже приезжал чуть-чуть с более крупной рыбой, допустим, с сазанчиками с ладошку, с плотвой, краснопёрками. Но вообще, скажем так, с детства я больше любил ловить, чем есть. Меня волновала эта страсть, когда поплавок вдруг качнётся, дёрнется и потом – раз! – уходит в глубину. Свой этот прут поднимаешь рывком, а там что-то в глубине бьётся...

В конце 50-х годов вдруг на Волге появилось большое количество судака. Мы стали ездить за судаком. Каждое утро чуть свет, даже ещё по темноте, вставали, кто-то друг за другом заходил, шли пешком торопливо на Волгу. Переезжали на полуостров Крит, проходили через местную деревню, потом дальше по берегу и располагались рыбачить. Но сначала надо было наловить малька. А вода ещё холодная, только-только рассветает. Тем не менее мы брали кусок марли, заходили в воду и вытаскивали мальков большого количества. Они трепыхались, бились в этой марле. Мы их в котелки. И готовились ловить.

А ловили так. У каждого было бамбуковое удилище с небольшой длины леской — метров пятнадцать: судак рано утром подходил близко к берегу, поскольку тут было много малька. На конце лески — грузило и крючок, на который за спинку цепляли малька. Ох, сколько же мы ловили этого судака! Ловили страстно, ловили охотно. Каждый выкладывал из своей камышовой кошёлки всё, что там было, и укладывал плотно рыбу, которую перед тем мы закапывали в прохладный, влажный песок.

Наконец, наступало время уходить домой. Кошёлки плотно забиты судаком, всё, что в них было: одежда, обувь, котелки — или надевалось, или привязывалось к поясу, а то и к жерди, которую продевали через ручки двух кошёлок. И начинался тяжкий путь. Раскалённый песок обжигал голые ступни — обуться было нельзя: сотрёшь ноги. Жара, тяжесть двух кошёлок — несём вдвоём. Идёшь и мысленно говоришь: ну, всё, чтобы я ещё завтра пошёл, да плывать я хотел на этого судака, пошёл он к чёрту! Так мы доходили до пристани, переезжали Волгу. Сначала раздавали лишнюю рыбу соседям. Потом начали торговать на рынке этим судаком. А поскольку я жил в центре, у матери было много знакомых, и мне уже лет 15-16, то приходилось вроде как маскироваться. Надвину соломенную шляпу на глаза и торгую.

Астраханскую рыбалку мы в какой-то мере открыли случайно. Страхов, который в Госплане курировал авиационную отрасль, иногда ездил на охоту со своими госплановскими людьми и с оборонщиками. Конечно, с нами ему было во сто крат интереснее, чем там стоять всё время навтыжку. Однажды он увидел в буклете Министерства обороны какое-то упоминание о рыболовной базе в Камызякском районе Астраханской области. Собравшись туда ехать, он пригласил Игоря Карпенко. Вдвоём они поехали на эту базу. Когда вернулись в Москву, Игорь начал рассказывать о рыбалке. Вообще что-то было необычное, там какие-то страшные рыбы, леску рвут в два счёта. Спиннингом они там ловили жерехов, судака. А на донку поставили, схватил кто-то, и они только потянули — раз! — и оборвалось всё.

Слушая эти рассказы, я догадался, в чём дело. Я же ведь сталинградец. Понял, что это сомы.

В следующий раз поехали на эту базу всей компанией. Её директор Георгий Васильевич Бочарников был любопытный мужик. Вообще все эти люди, они, как правило, очень умные, очень находчивые, пластичные, умеют разговаривать с людьми. Могут быть строгими, когда нужно — податливыми, способны многое рассказать, потому что знают тьму всяких историй. Впоследствии после его смерти эту базу унаследовал и стал ей владеть его сын Саша Бочарников. Мы ездили и к нему.

Сначала надо сказать, какой мы увидели дельту Волги. Волга разбивалась на несколько крупных рукавов, каждый из которых, в свою очередь, растекался несколькими речками. А эти речки, в свою очередь, разливались на ещё более мелкие речушки. И вся эта водная сеть уходила в море, образуя безграничные просторы. По-местному — “раскаты”. Вообще говоря, местные названия интересные. Например, лодка-плоскодонка — это кулас. Лысуха, или водяная курочка, называется там кашкалдак. Небольшая, заросшая, как правило, камышом часть водной глади — култук. Омуты на речках — котлы.

И вот мы приехали на эту базу. Она стояла на стыке двух речек. Более крупная шириной, может быть, метров 8-10, и рядом в неё же впадала речушка где-то метра три, четыре, пять, но тоже быстрая, тоже глубокая. Место поразило нас обилием рыбы с первого раза. Пока мы ждали егерей, которые заправляли бензином моторки, Игорь стоял на краю помоста и забрасывал удочку. Я подошёл. Он выдёргивает большую, граммов на 300-400 краснопёрку. Вполголоса говорит: “Шестьдесят восемь...” Снова забрасывает удочку и через пару секунд вытаскивает следующую, такую же краснопёрку: “Шестьдесят девять...” Увидев меня, с удивлённой улыбкой говорит: “Это не Подмосковьё наше. Здесь рыбацкий рай”.

Надо сказать, как мы вообще ездили туда. Перед началом подписки все газеты и журналы проводили встречи с читателями. Это чтобы привлечь людей к своему изданию. “Известия” не отличались от других. Только журналисты ездили в разные места. А мы застолбили себе Астрахань. Мы встречались там с первым секретарём обкома партии, но в основном контактировали с председателем облисполкома. Нам подбирали коллективы, где мы должны выступать с рассказом о газете. Должен заметить, что встречи эти были интересные.

Выступали в основном мы с Надеиным, как самые говорливые. Игорь Карпенко был сдержан, Том Фетисов — не оратор, Страхов не имел к газете никакого отношения. Правда, был ещё один интересный рассказчик — Ашраф Ахметзянов. И, если Надеин говорил о газете в целом, я как собкор — о Казахстане, то тема Ашрафа в это время волновала многих. Он приехал из Ирана, где свершилась “исламская революция”, и всё происходящее там очень интересовало астраханцев — ведь Иран был на другой стороне Каспийского моря, в ту пору внутреннего советского “озера”. А события у южного соседа происходили драматические. Ашраф рассказывал, как в стране громили всё, связанное с американцами, ибо шах Реза Пехлеви был поклонником США. Весь образ жизни менялся в соответствии с воинствующим исламом и шариатскими судами. Ашраф говорил, что даже туалеты перестраивали на другой манер: нельзя было задом сидеть к Мекке.

Особенно бурно реагировали люди в коллективах, куда мы приходили, на рассказы Ашрафа о бесправии женщин в соответствии с новыми мусульманскими законами. “Теперь, — говорил Ахметзянов, — мужчина может очень легко развестись с женой. Он должен вернуться три раза (Ашраф показывал, как это сделать) и сказать: “Я свободен. Я свободен. Я свободен”, — после чего женщину выгоняли из дома. С собой она могла взять только-то, что на ней было надето. Поэтому женщины ходили, обвешанные бусами, с кольцами и перстнями на всех пальцах, поскольку никто из них не знал, когда муж повернётся три раза”.

Я не помню ни одного случая, чтобы слушатели не реагировали бурно. Особенно запомнилась мне встреча на каком-то рыбокомбинате. В большом зале “красного уголка” сидели одни женщины. Они пришли прямо от рабочих мест: в оранжевых прорезиненных куртках, таких же штанах. Женщины были как на подбор: здоровенные, могучие. Пока Ашраф рассказывал про шаха и даже реконструкцию туалетов, работницы слушали настороженно, но молча. Но когда он заговорил об исламском разводе, “красный уголок” яростно загудел: “Это что такое?! Куда бабы-то смотрят? Порвать надо эти законы! Мы бы им дали!” И я подумал: “До чего же раскрепостилась у нас женщина!”

После встреч мы возвращались в гостиницу, где предварительно заказывали небольшой номер для Игоря Карпенко. Не потому, что мы не любили нашего друга, а ради его и нашего спокойствия. Он храпел так, что мы не могли заснуть всю ночь. Причём он интересно храпел: начинал рычать, потом завывал, потом как будто запевал, потом вроде затихал — было такое впечатление, что он помирал. Затем опять начинал потихоньку похрапывать, быстро набирал обороты, и опять начинался весь этот концерт.

Утром нас отвозили. Сначала мы ездили на самоходке, а это, должен вам сказать, часов семь-восемь из Астрахани в дельту. Это уже потом мы доезжали на машинах до ближайшего к базе посёлка, где пересаживались в моторные лодки и плыли на базу. Оттуда к месту рыбалки наш караван вёз кто-нибудь из егерей. Каждый сидел в своём кулесе и, пока плыл, готовил снасти. Мне запомнилась первая рыбалка. Нас привезли на речку, где был большой и глубокий “котёл”. Позднее мы узнали, что в таких “котлах” по краям держатся сазан, а в глубине жирует сом.

Встали по разным берегам, привязав куласы за камыш и кустарник. Забросили донки. А у меня тогда была снасть простая — алюминиевый двухколенный спиннинг, и “киевская” катушка, обычная, с двумя ручками. Понимая, что могут быть сомы, взял толстую, миллиметровую леску, тройники с палец величистой. Я забросил две донки: ближе к берегу — на сазана, а вторую — в омут.

По пути подстрелили утку и чайку — сом клюёт на кишки. Сижу. Вдруг кончик удилища тихо нагнулся к воде. Я схватил спиннинг, дёрнул его, катушка затрещала, но то, что было в глубине, не тронулось с места. Кричу: “Ребята, по-моему, я поймал какое-то дерево!” А там иногда река тащит по дну подмытые и поваленные деревья. Думаю, наверное, за дерево зацепился. Вдруг затрещала катушка и что-то сильно потянуло вниз. “Чёрт возьми, подводную лодку, что ли, поймал?” — насмешливо подумал я. А неведомая сила продолжает тянуть вниз, катушка с треском крутится, ручки бьют по пальцам. Начиная подтягивать. Подтягивается-подтягивается, потом опять тащит в глубину. Понимаю: это рыба.

И что потом началось... Она тянет, катушка с визгом разматывается, ручки бьют мне по пальцам, они уже в крови. Я заматываю быстрее. Мне кричит

Карпенко: “Ты её мучай!” Короче говоря, когда подтащил рыбу к лодке, понял: это сом. Огромный, в лодку втащить невозможно. Кое-как продел через жабры толстый капроновый шнур и привязал его за корму. Мы половили ещё какое-то время. За нами приехал егеря. Снова связали куласы, и он с уловами повёз нас на базу. Там мы решили замерить моего сома. Положили на траву, я лёг рядом. Свой рост знаю: метр, семьдесят три сантиметра. Разницу стали измерять спичечными коробками. Оказалась длина сома два метра восемнадцать сантиметров. Затем были меньше. Совсем маленьких я отпускал и говорил: скажи родителям, чтобы не выпускали вас из дома без пригляда.

Первые разы за нами приезжали ребята на моторке, егеря. Мы опять цеплялись друг за друга и плыли на базу. Потом нам предоставили полную возможность самостоятельно добираться до базы. А это против течения и толкаться шестами. Ну, и мы, конечно, часа по полтора, по два пихались. Зато, приехав в Москву, глядели на себя, как на культуристов.

Сомовые рыбалки были, конечно, великолепны. Но и сазаньи – не хуже. Егеря знали все места и привозили нас на сазаньи реки. И что тут начиналось! Забрасываешь донку, через короткое время удилище дугой сгибается к воде, хватаешь его, а на том конце какой-то зверь. Сильный, как боров, прёт то против течения, то поперёк реки, то снова от твоего берега к противоположному – это сазан.

Мы привозили в Москву сазанов, нос которых был у пупка, а хвост лежал на земле. Вот такие были сазаны.

Не раз мы выезжали на раскаты. Кстати говоря, проезжали через поля лотоса. У меня есть фотографии, где мы в лотосе. Накрылись его листьями – они довольно большие, стоим голые в куласах: на многие километры ничего и ничего нет. Раза два-три мы остановивались у раскатов на ночёвку, чтобы утром поехать на рыбалку. Наша компания, два-три егеря на двух крымах (крым – это большая моторная лодка) выбирали продуваемое ветром место, чтобы не доставали комары. Да и комаров-то было мало: конец сентября ведь!

На каждом крыму лежало по куласу. На них мы собирали стреляных уток и лысух. На мелководье выключали моторы, и лодки потихоньку двигались вперёд. Вода прозрачная, видно, как в траве идут сазаны, большие шуки, не говоря о разной мелочи. А перед ночёвкой надо было сделать ужин. Мы проплывали островки камыша. Около них тучи кашкалдака, то есть лысух. На скорости мчимся туда, они взлетают, гремят выстрелы. Набьём, ребята подбирают. Возвращаемся на выбранное место. Моторки соединяются. Ребята втыкают шесты в ил – это по-ихнему “закальваются”. На корме зажигают небольшие паяльные лампы, и начинают варить шулюм.

И вот наступает вечер. Поперёк одного из крымов вверх дном кладётся кулас. Он становится как бы столом. Второй кулас спускаем на воду, потому что в крыму надо будет потом спать. С двух сторон садимся мы с егерями, и начинается пиршество. Господи, какие же это были благословенные времена! Яркая луна освещает бескрайнюю гладь раскатов. В камышах крикают и ворочаются утки. Где-то слышно – падают на воду гуси. Разговоры – это само собой, мы ребят расспрашиваем. Но главное – еда. Из прекрасного мяса водяной курочки – сытный шулюм.

Мы из Москвы привозили редкие продукты, потому что в провинции с ними стало уже плоховато. К этому времени появились так называемые “кормушки”, то есть спецраспределители для определённого круга работников, где по заказам покупались разные продукты, которых не было в магазинах. Страхов имел доступ к такой “кормушке” в Госплане. В “Известиях” Игорь Карпенко был прикреплен. Потом туда попал и Володя Надеин. Они там брали колбасы копчёные, сервелат, датскую свинину в баночках, исландскую селёдку в различных соусах. Конечно, ребята-егеря набрасывались на это. А мы – на шулюм и, естественно, на помидоры. А помидоры какие... И, конечно, на арбузы. Ой, какие же это прекрасные астраханские арбузы. Я описал астраханский арбуз в своей повести “Билет на поезд к вечной мерзлоте”.

Вот так мы и ездили. Летом и ранней осенью – рыбалка с утиной охотой. Поздней осенью и зимой – охота на копытных: лося, оленя, кабана. Эти охоты я описал в романе “Крик совы перед концом сезона”.

Дело подходило к перестройке.

Глава 10 От объятий до баррикад

Приход Горбачёва и начало перестройки мало кто в стране встретил без одобрения и без энтузиазма. Вязкий застой тормозил, и сильно, развитие государства. Когда я впервые услышал слова Брежнева о бережном отношении к кадрам, то сказал коллегам: “Ну, ребята, это будет загнивание”. Ибо уже чувствовал, как снижается требовательность, на смену ей идёт всепрощение. За этим призывом вставало правило никого не трогать, многое прощать, словом, беречь кадры.

Особенно негативно эта политика стала проявляться в национальных республиках. Прикрываясь национальными особенностями кадровой политики, здесь начала бурно расти мафиозность, партийные и государственные чиновники срастались с организованной преступностью. Я это видел на примере Казахстана, а он тогда был в этом смысле ещё не самой метастазно-раковой республикой. Мафия взращивала национализм, национализм разрушал государство. Я на эту тему опубликовал в “Известиях” ряд материалов. Особенно бурную реакцию вызвала статья “Паутина”. Я о ней упоминал в главе “Дом в деревне с землёй”.

Ректор одного вуза в Южном Казахстане, сам представитель Старшего жуза – их у казахов три: Старший, Средний и Младший (это роды) – принимал за взятки в студенты молодёжь своего жуза. Причём брал с уровнем образования за 7–8 класс. Писем пришло полтора мешка. Возмущение было большое. Но взяточник отделался выговором. Я назвал это явление “национал-протекционизмом”, и, как мне сказали, этот термин вошёл в документы Политбюро ЦК КПСС.

Вместе с тем я считал, что предыдущая политика Брежнева была довольно плодотворной, и говорил друзьям-коллегам по охотничье-рыбацкой компании, что, если бы не застой, мы будем вспоминать брежневское время, как одно из благодатных. Так оно и вышло, но до той поры оказалось и далеко, и болезненно.

Разлом начинается с трещин

В критике застоя наша компания не была исключением. Тем более что мы находились на острие всех проблем и перемен. Газета стала резко меняться. В это время главным редактором уже был Иван Дмитриевич Лаптев. Он пришёл из “Правды”, сменив Льва Николаевича Толкунова. И вот эти перемены, этот ветер освежающий стал всё сильнее чувствоваться на страницах газеты. Публикации становились всё раскованней и острее. Газета заговорила о проблемах, о которых раньше старались молчать. Именно в “Известиях” был напечатан материал о человеке без определённого места жительства, и в обиход вошёл термин “бомж”. Впрочем, были и другие прорывные публикации.

В 1988 году у меня вышла публицистическая книга “Пласты сдвигаются” с подзаголовком “Канун и начало перестройки”. Уже само название этой книги говорило о том, что в стране началось движение огромных пластов. Это геологический термин, за которым стоит, как правило, большое потрясение, сильные изменения в коре Земли со всеми вытекающими последствиями. В книгу вошли материалы, в основном опубликованные в “Известиях”, которые рассказывали о положении в тогдашней Калининской области (Тверская область ныне), в Осташковском районе.

Надо сказать, я много чего узнал интересного об этих местах. Сам город Осташков, который находится на Селигере, распланирован, как Петербург. Улицы у него прямые, как в Ленинграде, проспекты пересекаются линиями, так и там то же самое. Городок был до революции достаточно культурным. Промышленность там была. Сейчас район больше сельскохозяйственный. Я ездил по колхозам, говорил со многими людьми. Их мнения о том, как должна меняться жизнь, были изложены в этой книге.

“Известия” становились чем дальше, тем более драчливыми. Конечно, до той отвязности, которую набирали яковлевские “Московские новости” или журнал “Огонёк” недавно правоверного слуги партаппаратчиков Коротича, дело не доходило. Но и у нас многие, ещё вчера холуйствующие перед

партийной властью журналисты, причём почему-то особенно женщины, готовы были разорвать попустительствующих хозяев.

Ветер свободы не только продувал страницы, но и задирали уже подошвы; о той нормальной осторожности, к которой я призывал в книге, они и слышать не хотели. Об осторожности в ремонте здания страны, чтобы не сносить всё дотла, а убрать ненужное, мешающее, тормозящее развитие, оставив лучшее. А оно было. Было в здравоохранении, науке, культуре, человеческих отношениях. Да и в промышленности тоже.

Недавно по интернету в очередной раз прокатилась волна изумления от пренебрежительных слов Путина в адрес советской промышленности. Говорил он это несколько лет назад, но народ снова и снова их показывает, удивляясь, негодуя, издеваясь. “Всё, что мы производили, – сказал он, – было никому не нужно, потому что наши галоши никто не покупал, кроме африканцев, которым надо по горячему песку ходить”.

Путин сказал это о товарах народного потребления, найдя между тем добрые слова об оборонной промышленности, но и с товарами народного потребления, прямо скажем, загнул. Почти 290 миллионов человек ходили, что ль, в набедренных повязках, как в Африке? Или в лаптях по асфальту? Ничего подобного! И одеты были, и обуты. Работала швейная промышленность. Обувная. Выпускалось множество товаров народного потребления. Не все на уровне западных аналогов, но были и такие, за которыми там, на Западе, гонялись. Цена ниже, а качество порой выше.

Я не говорю про советский эксклюзив: чёрная икра, лучшая водка. Было и промышленное производство. Зеркальные фотоаппараты, лучшие марки часов, которые, по отзывам иностранцев, котируются выше швейцарских. А советский вездеход “Нива”! За ним – невиданное дело для свободного рынка! – записывались в очередь. Преимущество “Нивы” перед хваленными западными вседорожниками мы сами видели на наших просторах. Холодильники до последнего горбачёвского времени, когда мафия специально не пускала в Москву и крупные города составы с продовольствием, не пустовали. Выбор был не обильный, зато продукты – самые здоровые в мире: советские ГОСТы строго следили за этим. Не то, что сейчас: то и дело отравления. Да и холодильники выпускались, их было несколько наименований. Некоторые марки служили по 20–30 лет. У меня самого был такой, “Орск” назывался.

При этом я совсем не в восторге от организации дел с товарами народного потребления. Ведь могли же большинство соцстран наладить их выпуск. Правда, им не пришлось биться в таких тисках трудностей, как нам. Сразу после войны недавние союзники приняли так называемую программу “Кокком”. Цель её была в том, чтобы запретить поставки Советскому Союзу тех товаров, которые могли бы помочь нашей экономике сделать технологический рывок.

И нашей стране, разорённой и сожжённой от западных границ до Волги, пришлось рассчитывать только на себя, создавать всё самой: от иголок до ракет. Мы создали. И стали второй экономикой мира. Чтобы перечислить только названия товаров, которые выпускал Советский Союз, потребуется много книжных страниц. В том числе такую продукцию, которую с удовольствием покупали экономически развитые страны. В СССР было отличное станкостроение, эффективное машиностроение, атомная отрасль, ракетостроение.

В этом отношении характерно признание американского президента Джона Кеннеди. В специальном послании конгрессу США в январе 1963 года он сказал: “Советское образование – лучшее в мире. Мы должны многое из него взять. СССР выиграл космическую гонку за школьной партией”. Советский Союз входил в число 5 стран мира, которые могли строить самолёты от чертежа до готовой машины. То есть в самолётостроении был полный цикл. Авиапарк СССР занимал 40 процентов от всего количества самолётов в мире. Страна была исчерчена авиалиниями вдоль и поперёк: от маленьких посёлков до больших городов.

Одно это говорит об уровне развития государства.

А то галоши... Почти тридцать лет живёт сегодняшняя Россия на прежде накопленном багаже, продавая только нефть, газ, уголь, открытые в большинстве “производителями галош”.

Но вернёмся к “Известиям”. На “летучках” у нас всё чаще разгорались споры, как я говорил, не столько о качестве материала, сколько о том, как он

отражает — правильно или неправильно — те тенденции и пути, по которым надо двигать стране.

Поскольку “летучки” наши стенографировались и рассылались соборам по Союзу, а те, в том числе и я, давали их читать и местным коллегам, то внутренняя жизнь “Известий”, позиции журналистов газеты освещались довольно широко. Не говоря уже о том, что “Известия” выходили в то время сначала восьмимиллионным, а затем — десятиллионным тиражом каждый день. Я выступал против снесения всего и вся. И в “летучках” эта моя позиция отражалась.

Всё чаще стали возникать русофобские крики. Одним из инициаторов этой русофобии был заместитель главного редактора Николай Давидович Боднарук. Родом он, по словам Владимира Надеина, с Западной Украины. Являлся сотрудником КГБ. Отработав собором “Комсомольской правды” в одной из социалистических стран, вернулся в Союз и через некоторое время стал заместителем главного редактора у нас. Русофобия не всегда звучала открыто. Но она выпирала в правках материалов, в оценках публикаций. Я, естественно, выступал против таких подходов, и это фиксировалось в стенограммах наших “летучек”.

Чем дальше, тем активнее я включался в политическую борьбу не только в газете, но и за её пределами. В начале 1989 года началась подготовка к выборам в народные депутаты СССР по новому закону. Эта подготовка вообще взбудоражила страну. Выборы должны были проходить на альтернативной основе и при критическом наступлении на КПСС. Её представители на местах то и дело терпели поражение. Я в этот момент стал вести “телемосты” с избирателями на Центральном телевидении. Местный корреспондент в каком-нибудь городе вызывал какого-то человека, который рвался в кандидаты, я его представлял, давал возможность высказаться на всю страну. Зачастую этого было достаточно, чтобы ещё вчера безвестный человек, которого знало немного людей, сразу становился бешено популярным. Таким образом, когда прошли выборы, у меня среди народных депутатов СССР оказалось десятка два моих “крестников”.

Межрегиональная депутатская группа

Весной 1989 года выборы состоялись. И я провёл мероприятие, за которое впоследствии переживал, страдал и до сих пор считаю, что, может быть, зря это сделал. Хотя помыслы были самые благие и развитие событий показало, что и без меня кто-нибудь это дело организовал бы. Видя по работе предыдущего Верховного Совета, что главную скрипку в нём играют аппаратчики, а депутаты лишь поднимают руки за подготовленные аппаратчиками проекты законов, я решил каким-то образом поднять роль и активность депутатов. А как?

Это они должны решить сами. Я собрал группу избранных народных депутатов в “Известиях”, чтобы они обсудили какие-то предстоящие возможности своей работы, договорились, как координировать её. Позвал знаменитого офтальмолога Святослава Николаевича Фёдорова, с которым был хорошо знаком. Не раз я поддерживал его во время избирательной кампании, общались до неё, да и после тоже, когда он стал избираться в Госдуму первого созыва, а в 1996-м бороться за пост президента РФ. Вот был бы достойный президент! Но российскому и зарубежному ворью нужен был Ельцин.

А в 1989-м мы мечтали о нормальной демократии, то и дело повторяли ставшее лозунгом времени название моей статьи “К диктатуре Закона!”, спорили. Я как-то не сразу понял выгоду его затеи сделать плавучий госпиталь и проводить операции на корабле. “Ты хочешь распространять свой метод за рубежом, — говорил я ему (мы были на “ты”), — пусть строят капитальные клиники, будешь туда приезжать и работать, сколько надо”. “Ты не прав: что значит не приходилось считать большие деньги. Никто не будет строить дорогой, с уникальным оборудованием госпиталь для эпизодических приездов иностранного специалиста. Значит, люди будут слепнуть. А корабль пришёл в Дубай, народ туда идёт, из других эмиратов приезжают. На судне оборудование, как у нас в Москве. Можем стоять, сколько нужно. Потом отправляемся в другое место”.

Те, кто прошли через руки Фёдорова и его сотрудников, были потрясены. Почти ослепшие, они начинали видеть. Святослав Николаевич рассказал мне

такую историю. Через несколько дней после одной операции, у него снова появился этот старик-пациент. Начал что-то рассказывать. Фёдоров вопросительно посмотрел на переводчика. “Господин очень богат, — сказал тот. — Он обращался к разным врачам, никто не помог. А вы вернули ему глаза. Он говорит, что вас прислал Аллах”. Фёдоров улыбнулся и сказал: “Вообще-то меня прислало советское правительство. Но если он так думает, я не возражаю”.

Святослав Николаевич погиб в 2000 году. Погиб нелепо. Возвращался на вертолёте из командировки в Тамбов. Думаю, многое не успев сделать. Его ищущая, талантливая натура всё время находила новое в методах лечения, в организации работы и жизни коллектива. Он организовал большое подсобное хозяйство, которое кормило сотрудников, создал эффективную систему оплаты труда.

Но и осталось немало. Действует созданный им Межотраслевой научно-технический комплекс (МНТК) “Микрохирургия глаза”. Теперь не надо ездить за лечением только в Москву. Подобные клиники образованы во многих городах.

Но главное — создана школа академика Фёдорова, выращены сотни учеников. С одним из них, учеником раннего призыва — нынешним главным врачом МНТК “Микрохирургия глаза” Николаем Петровичем Соболевым — меня свела дорога жизни. Сын военного лётчика, часто направляемого на новые места службы, от Германии до Дальнего Востока, он сменил несколько школ. Последняя была в Москве. Здесь же закончил 1-й медицинский институт. Собирался стать урологом. Уже и направление получил в институт урологии, чтобы там обрести выбранную специальность, ибо мединститут даёт лишь общие знания.

Однако в тот момент, когда оставалось получить последнюю подпись, к выпускникам пришёл, как вспоминает Соболев, заводной и увлекательный главный офтальмолог Москвы Эрик Наумович Вильшанский. “Ребята, кто хочет пойти работать у Фёдорова?” — задорно спросил он. А у многих в стране, не говоря о студентах медвузов, на слуху были две фамилии: Илизарова и Фёдорова как самых продвинутых первооткрывателей в медицине. “Он начинает строить 11 специальных клиник по стране. Здесь делает уникальные операции. У нас есть своя ферма, мы ездим на лошадях, и вообще, кто пойдёт, не пожалеет. Даже зарплата почти в три раза выше”, — энергично убеждал Вильшанский.

Соболев вместе с несколькими выпускниками пошёл. И не пожалел. Работал азартно, не считаясь со временем. Делал много операций. Из рядового врача стал главным. Защитил кандидатскую диссертацию, тему которой не только одобрил Фёдоров, но и лично подписал аннотацию. Сейчас Николай Петрович, не оставляя многохлопотной должности главного врача, закончил докторскую диссертацию по той же редкостной теме, которую в своё время одобрил его учитель Святослав Николаевич Фёдоров. При этом остаётся оперирующим хирургом. Только вместо полутора тысяч операций в год, которые он проводил раньше, сейчас делает 600–700.

Но я отвлёкся от зарождения Межрегиональной депутатской группы, которая началась с нескольких человек, собранных мною в редакции “Известий”. Ничего не поделаешь, если дорога жизни оказалась многолюдной, если шагаешь по ней энергично, но при этом, бывает, спотыкаешься, принимая фальшивые слова за искренние чаяния души. Вот такими людьми, думающими только о благе страны, показались мне и другие собранные мной депутаты.

Тельман Гдяня, который в это время был чуть ли не национальным героем Советского Союза, раскрутившим так называемое “хлопковое дело”, известный экономист, ставший потом мэром Москвы Гавриил Попов, председатель колхоза Лапкино. Несколько иным был инвалид Заславский, который яростно громил советскую власть и провозглашал так называемые демократические принципы. Впоследствии он стал председателем Октябрьского райсовета и фигурантом ряда скандальных дел по незаконной, как уверяли его критики, распродаже собственности в районе.

Об этом я подробно написал в “Крике совы...”. Сейчас повторяться не буду. Но именно с этой встречи началась будущая межрегиональная депутатская группа. Я уверен, что, если бы не я собрал, они, наверное, сами бы собрались.

Почему я думаю, что моя заслуга в этом не слишком велика? Да потому, что когда я решил нечто подобное провести в Ленинграде и поехал туда, оказалось, что там уже Собчак собрал депутатов, они стали договариваться, как себя вести, какие приоритеты, в какие комитеты идти и т. д.

К слову говоря, в вагоне поезда, который шёл в Ленинград, мы оказались вместе с Мишей Полтораниным. Его я знал ещё как собкора “Правды” в Казахстане. Он тоже меня читал. Поэтому мы были и заочно, и очно знакомы. А он был близок к Ельцину, был редактором “Московской правды”, поставленным Ельциным. И являлся не просто сторонником Ельцина, а его глашатаем. Я говорю: “Миша, я смотрю на ельцинское окружение и думаю, что он всё-таки большая с... , он черт-те-что наворотит”. — “Да что ты, старик, он такой демократ, вы не представляете, какой он демократ”.

Перед этим я тоже о нём думал, ну, не как о демократе, а как о противовесе члену Политбюро, куратору разрушающей гласности Александру Яковлеву. Дело в том, что чем дальше, тем больше я убеждался в негативном воздействии Яковлева на слабого Горбачёва. И я подумал, что вот противовесом этому крылу, разрушающему, яковлевскому, может быть Ельцин. Однажды выходим втроём — Ельцин, Полторанин и я — после очередного заседания Съезда народных депутатов, когда ещё только формировались его управляющие органы, я говорю Ельцину: “Борис Николаевич, как вы смотрите на то, чтобы занять пост председателя Комитета конституционного надзора?” Эта должность была ещё вакантна, а центробежные процессы уже набирали силу. Начались разговоры о выходе из Союза, и я думал, что Ельцин с демонстрируемой им хваткой “саблеруба” сможет приструнить зарывающихся разрушителей.

Ельцин посмотрел на меня, потом говорит: “Это же надо будет сдавать значок”, — и показывает на эмалированный значок депутата СССР. Я в тот момент ещё не знал, что на этом посту человек остаётся депутатом. Но увидел, что Ельцин ни в коем случае не хочет отдавать доставшийся ему статус депутата. От этого разговора у нас с Полтораниным осталась фотография во всю первую обложку газеты “Мегаполис-экспресс”. И подпись под ней, не помню: то ли соратники, то ли единомышленники.

Речь, которой не было

В советское время существовала теория, согласно которой не личности, а народ делали историю. Я сомневался в этом. Любя историю, видел, что именно личности меняют её. Народ, зачастую, выступает в роли бревна, которым разрушается существующее состояние общества. Пример Полторанина в очередной раз подтверждал это.

Когда Ельцина перевели из Свердловска и сделали первым секретарём Московского горкома партии, он начал кромсать здешнюю партийную верхушку. Всё больше и больше нарывался на конфликты, и на одном из пленумов ЦК КПСС его освободили. Он по привычке запил, залез в какой-то кабинет, а перед этим решил покончить жизнь самоубийством. Но странное какое-то самоубийство было: взял канцелярские ножницы и проткнул себе живот, что ли. И в это время Миша сочинил якобы речь Ельцина на Пленуме, где его снимали. От первой буквы до последней выдуманную, которой не было даже близко.

Но в той фальшивой речи вроде как говорилось, что Ельцин осуждал горбачёвский путь, что он осуждал коррупцию, что он боролся за народ, критиковал жену Горбачёва Раису Максимовну за любовь к дорогим нарядам за казённый счёт, что нужно было поднять уровень жизни народа, но ему не давали этого сделать. Эта подмётная “речь” была опубликована в сотнях газет, в самиздате. А надо вспомнить тогдашнюю народную эпиграмму: “По России мчится тройка — Мишка, Райка, Перестройка...”. И из раздавленного, никчёмного человека, каким оказался Ельцин незадолго до этого письма, вдруг вырос в глазах народа былинный русский богатырь, его защитник и спаситель.

Однажды, выходя поздно вечером из редакции, я увидел, как какая-то женщина приклеивает к стене “Известий” листок. Подошёл. Прочитал:

**Чешет коррупция лысое темя.
Пьют с коньяком валидол бюрократы.
Это ж какое, товарищи, время —
Ельцин с триумфом идёт в депутаты!**

Вот так эта фальшивка повернула в значительной мере ход истории нашей страны. Знал бы тот же Полторанин, люди, расклеивавшие листовки, кого они возводят на российский Олимп, думаю, съели бы эти исписанные листки.

К диктатуре закона

В конце 80-х годов, особенно в 1988 году, ближе к 1989-му начал разгораться Карабахский конфликт. Первыми его стали раскручивать армяне. Азербайджанцы не ввязывались, сидели молча, жили так себе. А потом и их разогрели, и они пошли. Где-то в это время в “Известия” приехал Горбачёв. Я тогда был председателем профсоюзной организации, самой крупной в редакции общественной структуры, и одновременно парламентским обозревателем.

Ну, сели за столом в кабинете главного редактора. Я оказался почти напротив Горбачёва. Он начал красноречиво опять толковать о перестройке, о трудностях, которые есть, о сопротивлении ей. И коснулся Карабахского конфликта. Говорит: “Я знаю, кто его раскручивает, это поэтесса Сильва Капутикян, публицист Зорий Балаян и целый ряд других людей”. И пошёл говорить дальше. Я его спрашиваю: “Михаил Сергеевич, а почему вам не сказать об этом публично и не огласить народу фамилии тех, кто раскручивает большое опасное дело, грозящее сильными потрясениями?” Он отмахнулся: “Ты ничего не понимаешь. Этого не надо ничего делать”.

А конфликт тем не менее становился всё более опасным, и надо было принимать какие-то срочные меры на государственном уровне. В 1989 году я написал статью и опубликовал в “Известиях” под названием “К диктатуре Закона!”, где говорил о том, что единственная диктатура, которая достойна существовать, — это диктатура закона и, как я подчёркивал, закона, которому должны подчиняться все — от дворника до президента.

Я говорил о том, что мафиозные структуры, разжигающие этот конфликт, этот территориальный спор, поднимут волны народного гнева с той и с другой стороны, эти волны лавинами двинутся друг на друга, сметая на пути и жизни, и нормальные отношения человеческие. А мафиози нырнут на дно, переждут там все эти столкновения, которые они создали, и вылезут. И суть статьи была, что Горбачёв должен использовать силу закона для того, чтобы этих людей мафиозных, во-первых, снимать с должностей, во-вторых, предать суду.

Должен сказать, что название статьи “К диктатуре Закона!” стало лозунгом, как ни странно, одновременно и разрушительных сил, и сил, которые хотели сохранить Советский Союз. И даже его произносили в окружении Горбачёва. Но сам он ничего для урегулирования Карабахского конфликта тогда не сделал. Конфликт разгорался, разгорался и, в конце концов, начались боевые действия. И сотни, если не тысячи людей с одной и с другой стороны пострадали, армян выгнали из Азербайджана, азербайджанцев гнали из Нагорного Карабаха. Этот конфликт тянется до сих пор. Недавно он снова вспыхнул, снова начались военные действия. А сейчас уже и XXI век.

Кстати говоря, в статье “К диктатуре закона” я говорил о необходимости чуткого подхода к межнациональным отношениям. Я говорил, что проблемы экономические волнуют людей, но они звучат, как струна контрабаса. Это тоже может возбудить человека. Но национальный вопрос — это даже не струна скрипки. Это своего рода струна Эоловой арфы, на которую достаточно дунуть, чтобы национальная струна зазвучала или возвышенно, или тревожно, или вызывающе.

Слово как оружие разрушения

В стране всё сильнее нарастало противостояние и хаос. Это, как в зеркале, отражалось и на газете. Но газета была не только зеркалом, она стала всё чаще выступать поджигателем. Один из последних редакторов “Известий” Василий Захарько в своей книге “Звёздные часы и драма “Известий” приводил пример одной из “летучек”, где я в очередной раз выступал и говорил следующее: “Если мы и дальше будем не обращать внимания на то, как на наши публикации реагируют на местах, то это самоубийственный путь.”

В стране, которая звенит от множества межнациональных и наславляемых на них проблем, нельзя не думать, как и чем наше слово отзовется. Жизнь даёт тысячи примеров того, как вредное слово выводит на площади

массы народа, как неосторожная или, прямо скажу, провокационная публикация уничтожает то, что ещё можно было сохранить, и начинается литься кровь”.

В редакции уже всё чаще спорили не только по материалам, но и выходили за их пределы. Я был не только заместителем редактора “Известий” по отделу Советов и моего друга Игоря Карпенко, но одновременно парламентским обозревателем. Работал с депутатами, в том числе с теми, кто стал, благодаря мне, народным избранником. Писал отчёты с заседаний Съезда народных депутатов и Верховного Совета, статьи на остро политические темы. В отделе у нас было ещё три человека. Люди разного уровня способности и, как стало выясняться, разных политических устремлений. Одним из недавно принятых был маленький, щуплый мужчинка с басовитым, не по комплекции, голосом. Давал простую несложную информацию в номер, но имел большие амбиции, которые стали проявляться довольно необычным образом. Однажды, не помню по какому поводу, он вдруг наступательно заговорил о том, что Украину Москва притесняет, её грабят, что украинский народ – великий, имеет более древнюю и славную историю, чем русский, а ему отводится недостойное место и так далее. Я был поражён. “Известия” являлись, наверное, одной из самых многонациональных газет. Легче назвать, представителей каких наций здесь не было, чем перечислить представленные. В отделе писем работала даже дочь первого советского главы республики Тува Аня Тока, а уж людей с украинскими корнями и фамилиями было очень много. Анатолий Друзенко, Василий Захарько, Игорь Карпенко, Лидия Ивченко, Юрий Понамаренко, не говоря о нескольких собкорах по Украине. И никогда до этого “новобранца” мне не приходилось слышать явно националистических высказываний об украинской исключительности. А костёр, оказывается, разгорался, добавляя пламени сторонникам сжечь Советский Союз.

Как-то один из моих товарищей по охоте сердито заявил:

– Лучше бы нас немцы завоевали...

Я сначала онемел от сказанного. Потом спрашиваю:

– Ты в своём уме?

– В своём, в своём... Жили бы сейчас, как на Западе.

Я понял, что это не случайная оговорка. Поэтому жёстко сказал:

– Я бы, может, остался жив, потому что русский. Им же нужны были рабы! Может, чистил бы сапоги немецким солдатам. Но ты же еврей! Чистил бы ваксой, которую бы сделали из тебя.

Экстремизм стал проявляться и в речах других журналистов.

Корреспондентка отдела школ Ирина Григорьевна Овчинникова, очень агрессивная дама, я её описал в романе “Крик совы перед концом сезона”, которая, выступая на “летучках”, кричала, что Советский Союз – это безнравственная страна, это государство, которое не имеет права на существование. А почему? Потому что она торгует оружием.

Я её в своём выступлении спрашивал: “Скажите, а Соединённые Штаты, которые на первом месте по продаже оружия, Вы считаете нравственной страной? А Израиль, который на втором месте по продаже оружия, для Вас нравственная страна?” Она не могла мне сказать ничего, она только кричала: “Вы, Щепоткин, – “памятник”. Тогда существовало общество “Память”, которым некоторые “перестроечники” пугали как антисемитской организацией.

Я говорил: “Да, я – памятник, но не в том смысле, который у вас на уме. Я памятник сохранения страны, Советского Союза в новом облики. А вы будете памятником разрушения этого и всех бед, которые потом придут”.

Надо сказать, жизнь у неё дальше сложилась очень и очень печально. Многие такие крикуны, многие такие разрушители плохо кончили. Я описал одну из подобных, встретив её около мусорной свалки, где она рылась в демократических отходах. Это было, когда уже ельцинские времена наступили.

После первого Съезда народных депутатов СССР разрушительные процессы в стране пошли ещё быстрее. Собчак возглавил комиссию о так называемых тбилисских событиях, где якобы армия применила сапёрные лопатки. Погибло много мирных жителей в Тбилиси. Впоследствии документально было доказано, что всё это было не так. Националисты закрыли выходы с площади, обрушились на солдат, которые толпу пытались вытеснить. И в итоге никаких там не было ни отравлений, ни убийств. А вот солдат много пострадало. Но были требования наказать министра обороны. Горбачёв, как всегда, уполз, улизнул и перевалил вину на других.

Международные конфликты всё сильнее раскачивали и разрывали страну. На них накладывались экономические трудности и рукотворные проблемы. Недовольство населения усиливали разного рода кризисы. Советский Союз корёжило и рвало. Трещины пошли по всему когда-то могучему телу. И ни сам Горбачёв, ни его команда непонятно, то ли не видели, то ли не знали, что делать, чтобы удержать от разлома государство.

А надо было власть употребить!

Экономические трудности, зачастую создаваемые искусственно, всё сильнее раздражали и злили народ. Исчезло во всей стране курево – ни сигарет, ни папирос. Люди бегали, собирали “бычки”. В чём дело? Ведь в Советском Союзе огромная табачная промышленность. Оказалось, кто-то вовремя не заказал сигаретной бумаги, и Болгария не смогла поставлять сигареты из-за этого. Но самое главное, в нарушение установленного порядка, когда фабрики останавливались строго по графику на профилактику и ремонт, чтобы не было общего перерыва, здесь в одно и то же время остановили все самые крупные табачные фабрики. И возник жуткий кризис. Ну, те, кто курят, знают, что такое остаться без сигарет и папирос.

В магазинах появлялось всё больше абсолютно пустых полок. Стопроцентная вина в этом – Горбачёва. В недавно написанных мемуарах бывшего первого заместителя премьер-министра СССР Владимира Щербакова приводится такой факт. Когда продовольственные магазины Москвы пустели с каждым часом, на железнодорожных путях вокруг столицы и на забытых до границ Советского Союза линиях стояли свыше 5000 эшелонов с продуктами и промышленными товарами.

Их специально не пускали в Москву. Пикетчики не давали разгружать. Это была диверсия. Государственное преступление огромного масштаба. В. Щербаков намекает на причастность к этому движения “Демократическая Россия”. О происходящем знали КГБ, МВД, правительство, Горбачёв. Остановленные вагоны показывало телевидение. Об этом публично говорили народные депутаты РСФСР.

Диверсантов надо было немедленно арестовывать, немедленно судить по закону о чрезвычайном положении и если уж не расстреливать, то приговаривать к значительным срокам тюремного заключения, с подробным рассказом об этом всей стране. Иными словами говоря, следовало власть употребить.

Тем не менее горбачёвщина всё только трепала языком и ничего не делала. Осознанным вредительством, прямо скажем, по сговору, выглядела ситуация на базах. Там продукты припрятавали, они портились и потом их вывозили на свалки, а то и просто в лес. Я об этом тоже написал в “Крике совы...”

А у Лаптева судьба стала поворачиваться по-другому. Горбачёв предложил ему пост председателя одной из палат Верховного Совета СССР – Совета Союза. Когда я узнал об этом, сказал своим депутатам, что допустить такого нельзя. Дело в том, что в газете уже преобладали силы, намерения которых можно было выразить словами “спалить всё дотла” – я имею в виду государство. И те, кто могли сменить Лаптева, – Ефимов Николай Иванович или Игорь Голембиовский – это были два противника, два врага, два полюса, каждый из которых газету не удержал бы и не спас. Я начал говорить депутатам: “Ребята, надо сделать так, чтобы при голосовании забаллотировать Лаптева”.

И началась канитель. Он дал согласие Горбачёву, что готов пойти на должность. Ну, как же, большая должность в государстве. Но я ещё видел другой фактор: он был не оратор, а там надо было быть оратором, надо было быть волкодавом, когда вокруг волки, – хитрым, ловким, увёртливым. Так прошло два голосования. И ни на одном из них он не получил этого поста. Выдвигались несколько кандидатов, но ни один из них не набрал необходимого количества голосов. Тогда ему сказали, что это всё Щепоткин устраивает. Он позвал меня и говорит: “Слава, зачем ты всё это делаешь? Ты меня ставишь в неловкое положение. Я Горбачёву дал добро, что пойду, займу пост председателя Совета Союза, а теперь получается, что я твоими руками как бы отказываюсь от этого поста”. Я ему говорю: “Иван Дмитриевич, зачем Вы туда идёте? Вы понимаете, что в нынешней обстановке газета гораздо сильнее и важнее для страны, для политики, чем эта палата?” Он говорит: “Я прошу тебя, перестань тормозить, отступись”. Я говорю: “Ну, смотрите, Вас теперь

изберут, но газета погибнет, погибнет как боевая, как необходимое противодействие этим разрушительным тенденциям в стране”.

Да, его избрали. А вместо него утвердили Горбачёв и Лукьянов Николая Ивановича Ефимова.

О нём я написал и в “Крике совы перед концом сезона”, с ним мы работали много лет в журнале “Российская Федерация сегодня”. И я в глаза ему говорил, не скрывал своего мнения. Николай Иванович – человек деликатный, интеллигентный, выходец из народа, он работал за границей: в Англии корреспондентом ТАСС и АПН, потом возглавлял газету “Московские новости”. Надо сказать, при нём газета была очень плохая. Когда её возглавил Егор Яковлев, она стал одним из рупоров развала и разлома, но зато её рвали из рук.

Николай Иванович не мог справиться с этими волкодавами, которые набрали силу в редакции. Они действовали по принципу “чем хуже, тем лучше”. Причём всё шло к тому, что вот-вот начнёт разваливаться Союз. Стали заявлять о выходе из Союза прибалтийские республики, закавказские. Но ведь существовал закон, который определял, как должен происходить выход из Союза. Согласно ему сначала должен быть референдум. И даже если большинство населения выступало за выход из Союза, всё равно на несколько лет откладывалось решение этого вопроса до следующего референдума. В это время должны были решаться экономические вопросы.

Я подготовил в своё время статью трёх профессоров о том, как должен происходить так называемый “цивилизованный развод”. Если большинство республики по-прежнему выступало за выход, то тем, кто не хотели там оставаться, а хотели переехать в Российскую Федерацию, республика обязана была обеспечить материальные условия – переезд и всё остальное. Точно так же должны были решаться проблемы национальных вкраплений. К примеру, Юго-Осетинская область и Абхазия входили в состав Грузии. Грузия решила выходить из Союза, а эти сказали, что мы не будем. Значит, надо было не доводить дело до войны, как довели грузины, а решать конституционным, мирным путём.

В подготовленной статье рассказывалось в том числе и о массовом убийстве евреев в прибалтийских республиках во время немецкой оккупации, там действительно были жуткие вещи. Особенно в Литве.

Об одной из жестоких расправ литовских националистов с еврейским населением говорит в Википедии статья “Каунасский погром”. Это происходило 27 июня 1941 года в гараже кооператива “Летукис”. Вот как описывает событие известный историк Юлия Кантор. “С левой стороны большого двора находилась группа мужчин – евреев от 30 до 50 лет. Их там было человек 45-50. Этих людей пригнали туда какие-то гражданские.

Молодой мужчина, литовец, с засученными рукавами, был вооружён железным ломом. К нему подводили человека из стоящей рядом группы людей. Он одним или несколькими ударами по затылку убивал его. Таким образом он менее чем за час убил всех 45-50 человек. Ненависть к евреям в Литве достигла такого масштаба, что даже сотрудники немецких спецслужб удивлялись рвению своих литовских помощников”.

Об этой зверской расправе на сайте RUBALTIC.RU автор Игорь Шишко пишет 28 июня 2019 года в статье “Каунасская резня”, “что на такое способны только маньяки”.

Но главное, конечно, здесь было в том, что нужен “цивилизованный развод”. Скажем, подоходный налог Россия весь отдавала в союзный бюджет, а Грузия, Эстония, Латвия и Литва весь забирали себе. Все республики эти потребляли больше, чем производили. На них потратилось огромное количество денег. За 45 лет пребывания в Советском Союзе объём промышленной продукции в Эстонии вырос в 55 раз. Эти две республики – Эстония и Латвия – были чуть-чуть более развиты, чем Литва, когда вступали в Советский Союз. Правда, в той же Латвии её уровень промышленного развития составлял всего 40 процентов от 1913 года. А Литва вообще была самой нищей.

Даже эти чуть-чуть развитые республики так много поимели за счёт других республик Советского Союза, что перечень этот может занять несколько страниц. Я назову только немного. Скажем, Таллинский глубоководный порт обошёлся советскому бюджету в 6 миллиардов долларов, 3 миллиарда долларов стоила паромная переправа Клайпеда – Германия из Литвы, это не говоря уже о том, что были построены заводы, фабрики.

Ну, о Литве разговор особый. О том, какой была эта нищая республика, говорят некоторые цифры и факты. Промышленность Литвы составляли три фабрики: чулочная, табачная и спичечная. Основная продукция была мясомолочная.

По словам президента Литвы досоветского периода Казиса Гринюса, который в 1939 году обследовал 150 крестьянских хозяйств, картина была такая. Примерно 76 процентов крестьян носили деревянную обувь, башмаки, и только 2 процента — кожаные ботинки. Всего 1 процент женщин имели ночные сорочки. Только пятая часть женщин пользовалась мылом. Почти в 90 процентах семей обнаружили паразиты. Смертность в республике превышала рождаемость. 80 процентов детей болели рахитом.

И вот после Великой Отечественной войны прошло 45 лет. Что же теперь представляла собой, накануне будущего выхода, Литва? Благодаря развитию экономики, строительству заводов, фабрик, энергосистем энерговооружённость её возросла значительно. Объём электроэнергии вырос в 258 раз. Мне лично даже трудно представить себе, что это такое. Количество студентов на каждые 100 тысяч жителей сравнялось здесь с уровнем Германии, Японии, Англии, хотя до вступления в Советский Союз там были считанные единицы. Это за 45 лет! И не поставить вопрос о том, что республики должны заплатить часть того, что на них потратили, было просто преступлением перед существующим законом.

Сначала стреляли слова, затем — танки

Позиции Горбачёва с каждым днём слабели, и выпадали вожжи из рук. Хотя его избрали президентом страны, но он уже мало влиял на обстановку. И его бы надо было переизбрать, как требовали некоторые и депутаты, и члены партии, которую вскоре стали запрещать. Но народ был странный — всё верит в царя-батюшку. Его надо было, конечно, гнать не метлой, а дрыном. Он спустя годы вдруг заявил, что специально действовал так, чтобы разрушить Советский Союз. Я думаю, он лжец. Трусливый, соплиивый лжец. Когда он получил огромную власть в огромной стране, видно было, как гордится он ею, как дорожит и как красуется почти что императорской властью.

А в противовес ему набирал силу разбойный Ельцин. Народные депутаты России поддерживали его, несли его, как знамя, и Ельцин всё больше и больше, я бы даже сказал, зверел от ощущения власти. Причём, когда прибалтийские республики стали заявлять о своём выходе из Союза, Ельцин даже поехал в Эстонию, чтобы поддержать и приветствовать этот процесс. То есть разрушение началось в том числе и при поддержке этого нового лидера России.

Некоторые люди, обеспокоенные тем, что вот-вот сейчас произойдёт развал, организовали так называемый ГКЧП. Я в этот день был в Кишинёве. Когда увидел по телевизору группу этих людей, выступавших с заявлениями, и видел, что у Янаева трясутся руки, я сказал своим родственникам тогдашним: “Всё, ребята, эта публика — шаромыги, слабые, безвольные, слюнявые, такие же, как Горбачёв”. Так оно и получилось. Участников ГКЧП арестовали, что только усилило позиции разрушителей Союза. В итоге собралась тройка негодяев (я их иначе не могу назвать) — Ельцин, Кравчук от Украины и Шушкевич от Белоруссии — и подписали соглашение о роспуске Советского Союза. Строго говоря, они — государственные преступники, ибо за несколько месяцев до их сходы состоялся референдум, на котором почти 77 процентов советских граждан высказались за сохранение обновлённого СССР. В том числе, в РСФСР — более 71 процента, на Украине — свыше 70 процентов, в Белоруссии — почти 83 процента. А в Закавказье и в среднеазиатских республиках — почти 90 процентов выступали за сохранение Советского Союза. По Конституции же высшей властью в стране являлся народ. Беловежская банда украла государственную власть у её владельца. Их надо было судить, а может, там же, в пуще, расстрелять.

К этой же категории я отношу и Горбачёва. Если бы он был лидером государства, помнящим о благе народа, думающим о будущем, он, на основании существующего закона о чрезвычайном положении арестовал бы эту тройцу. Но этого он не сделал, как и многого другого. И Советский Союз распался.

Причём некоторые республики, например, Казахстан категорически не хотели уходить из Союза. Их просто выталкивали. Россия отталкивала их от

себя. Но не Россия, а кода политическая во главе с Ельциным отталкивала от нашего государства российского.

И наступили жуткие времена. Обесценивались жизни, нищало население. Я видел, как люди роются в мусорных баках, потому что есть было нечего. Началась на окраинах всякая межнациональная возня, даже кровавые разборки. Например, в Молдавии отделилось Приднестровье — более промышленное. Так вот, сейчас об этом молчат, не напоминают, как-то неудобно, не толерантно напоминать. А что творили эти нацисты, когда врывались в посёлки и городки Приднестровья: взрывали людей, вспарывали животы беременным женщинам, расстреливали и убивали.

И только приход российских войск, кстати говоря, под командованием тогда популярного, я бы сказал, правильно думающего генерала Лебеда остановил эту вакханалию. И постепенно конфликт затихал. Теперь никто об этом не вспоминает. А зря! Есть хорошая русская поговорка: кто прошлое помянет — тому глаз вон. А кто забудет — тому оба.

Дорога к октябрю 93-го

А в России, между тем, назревала своя буря. СССР, к радости Запада, был разрушен, в чём принимали активное участие и некоторые мои друзья. Володя Надеин несколько раз говорил мне: социализм и его главный носитель Советский Союз — это аппендикс исторического развития. Надо сделать операцию, и начнётся здоровая жизнь.

Операцию произвели, но лучше что-то не становилось. Недолго работали в согласии Верховный Совет и Ельцин. “Известия” вместе с другими рупорами развала и уничтожения страны теперь принялись клеймить и топтать Верховный Совет России. Дискредитировали председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова, других руководителей, говорили, что это никчёмная структура, а всё должен решать президент Ельцин.

Надеин в одной публикации прозрачно намекнул, что Хасбулатов — наркоман. Я его спросил: “А у тебя есть доказательства этого?” — “Какие доказательства? — ответил он. — Люди об этом говорят”. Тогда я ему сказал: “На месте Хасбулатова я бы сейчас поднял все судебные органы и разорил бы дотла газету “Известия”. Так, чтобы она вынуждена была продать здание своё, а люди ушли бы на улицу. Вот как надо отвечать за свои слова”.

С Володей Надеиным мы очень тепло относились друг к другу. Я — особенно. Мне нравились его талантливые фельетоны, его остроумие, забота о товарищах из охотничье-рыболовной компании. Немало помогал он и мне. Попытался сделать публикацию в «Известиях» о моей борьбе против Ярославского обкома партии после фельетона “Дача в кармане”, о чём я рассказывал ранее. Приезжал в Казахстан, когда после статьи “Паутина” меня попробовали “пришить” к браконьерству, которого не было. Став собкором “Известий” в США, Надеин организовал мою поездку к нему. Там у нас возникло первое политическое разногласие, правда, абсолютно мирное и добродушное. Видя краешек американской жизни, я сказал Володе, во время очередного спора о советских проблемах, что, напряжение может возникнуть и в этой стране. Причём, по линии: чёрные против белых. Надеин наотрез отверг моё предположение.

— Ты что! Неграм здесь нет повода для борьбы. Среди них много видных адвокатов, артисты, телеведущие, богатые люди.

— Но не все ведь такие! Много чёрной бедноты. А это — взрывная масса. Причём, не всегда причины экономические или социальные. Ты знаешь, какими белые люди представляют чертей? Чёрными. А у негров они белые.

Надеин рассмеялся над моими предположениями, и я забыл об этом разговоре. Пока недавно, в начале 20-х годов XXI века Соединённые Штаты не потрясли бунты темнокожих американцев. К сожалению, Володя, беззаветно влюблённый в США и считавший это государство безукоризненным, не увидел их. Несколько лет назад он умер. Однако по другому поводу споры наши были довольно жёсткими. Надеин дал несколько публикаций, где дословно говорил следующее: “Зачем России нужна эта грязная лужа — Чёрное море? Мы должны отказаться от него, не бороться за него, ибо это только во вред России”. Я был поражен. “Ты что, с ума сошёл? Не видишь, что происходит? Турция — член НАТО. Одна из самых вооружённых стран региона, прилегающая к Чёрному морю. Болгария, Румыния, Грузия, где к власти пришли якобы

демократические, а на самом деле профашистские правительства. Все они имеют виды на Чёрное море, а мы, по-твоему, должны уползти на сушу и там сидеть. Ты этого хочешь?” Он многословно возражал, причём никаких доводов не приводил, а только всё говорил, что демократические государства не воюют друг с другом. Демократия должна быть везде.

Но вот прошло время. В ноябре 2021 года НАТО и США начали проводить в Чёрном море внеочередные манёвры. Очередные, после наших споров с Надеиным, проходили не раз. А тут – внезапные. В грузинский порт Батуми пришли два военных корабля США. В операциях приняли участие: Украина, где в 2014 году к власти пришли отвязные националисты, Молдавия, Румыния, Болгария и, конечно, активный член НАТО – Турция. Все они не думали о Чёрном море как о “грязной луже”. Для них это был плацдарм против России.

Раскол по политическим мотивам всё сильнее разрывал нашу компанию. Я и Володя Надеин расходились друг с другом. Он становился всё более авторитарным. От прежних его рассуждений о том, что газета должна представлять весь спектр мнений общества, не осталось и следа. Признавалась единственная точка зрения, которой придерживался он.

Будучи человеком работоспособным, трудоголиком, он этого требовал и от других. А поскольку начал курировать иностранные отделы, то там ребята взвыли.

В нашей компании его политические устремления и взгляды активно поддерживали Лапский и Страхов. Ну, Лапского, когда раньше заходила речь о разрушении Советского Союза, понять, наверное, кое-кто бы мог. Он ненавидел систему, которая 20 лет не давала ему возможности выехать в капстрану в качестве зарубежного корреспондента “Известий”. Но почему их поддерживал госплановец Страхов, мне было непонятно! Его отец – генерал, когда-то работал советским торговым представителем в США. Сам Володя входил в элитный круг советского чиновничества, курировал авиапром. Кстати говоря, благодаря ему мы одними из первых в стране обзавелись титановыми термосами, которые начал выпускать авиазавод в Куйбышеве. Позднее, когда он мог приобретать их больше, мы начали награждать термосами егерей. Забегая вперёд, скажу: Страхов, пожалуй, больше всех нас потерял от разрушения Союза. Мы как были журналистами, так ими и остались. А он... Однажды я позвонил ему, спросил, чем занимаешься? Страхов помялся, неохотно ответил: “Работаю помощником по хозяйству у одного хрена. Разбогател стервец и теперь содержит прислугу”. В романе “Дуэль алмазных резидентов” я вывел эту неизвестно откуда вылезшую публику. Назвал их “человеки из щелей”. Грабя общенародное добро, они становились хозяевами жизни и страны. У одного из них был разнорабочим – куда хозяин пошлёт (!) – и сторожем Страхов.

Чем дальше, тем реже мы стали встречаться. Да и общаться почти перестали. Правда, в сентябре 1992 года собрались ехать в Астрахань на рыбалку. Взяли в издательстве “Известия” “рафик”, погрузили мешки, спиннинги и выдвинулись в аэропорт. В машине опять мы с Надеиным заспорили по всем этим делам, которые происходили и в которых уже видно было, что от демократии нет даже и следа.

Я ему говорю: “Это ты считаешь демократией – действия Ельцина в конфликте с Верховным Советом?” – Он говорил: “Да, надо их приводить в чувства, в порядок...”. Мы с ним спорили всё острее, всё злее. Вдруг он кричит: “Остановите машину, я не поеду больше с этой компанией!” Меня поддерживал Игорь Карпенко, кажется, Саша Корнешёв и работник издательства, который напросился с нами. Но Лапский и Страхов были на стороне Надеина. Надеин вышел.

Со стороны картина казалась, наверное, странной. Прямо на шоссе стоит машина, около неё кучкуются люди, что-то громко говорят. Все, в том числе Лапский и Страхов, начали уговаривать Надеина: Володя, брось ты заводиться! Есть разные мнения! Мы же друзья... Любим и ценим друг друга, обнимаемся, стоит ли рвать многолетнюю дружбу? Надеин хмурился, сердито сопел. Потом сел в “рафик”, и мы поехали. Это была наша последняя совместная поездка. Да и какие объятия, если уже выросли баррикады?

Перетягивание властного одеяла между парламентом и президентом принимало всё более острый характер. И причиной было разное видение приватизации Верховным Советом и Ельциным. Я в своё время, ещё при советской

власти, был в командировке в Польше и специально интересовался так называемым разгосударствлением промышленности в этой стране. Писал об этом в "Известиях".

Коротко суть вот в чём. Для того чтобы выставить на торги то или иное предприятие, создавалась комиссия. Приглашались известные зарубежные специалисты, которые оценивали предприятие со всех сторон: что на нём будет выпускаться, если, скажем, произойдёт перепрофилирование, какова будет цена, объём, какова выгода. То есть изучалось всё досконально. Причём работали не одна-две компании, а три-четыре. И только после всестороннего и тщательного анализа принималось правительством решение о приватизации того или иного завода и фабрики. Ельцина же толкали захватившие власть и стоящие за ним "человеки из щелей" к тому, чтобы приватизировать без всяких оценок. Захотел кто-то купить – и купил. А Верховный Совет настаивал, что нужен продуманный, точный и чёткий закон по этому поводу.

Были и другие причины, тем более что Ельцин всё больше зарывался, всё больше чувствовал свою силу. В итоге в сентябре 1993 года он издал указ о поэтапной реформе. Там предлагалось вообще распустить Верховный Совет и начать новые выборы. Естественно, депутаты воспротивились этому делу. Тогда Ельцин стал ещё более агрессивным. Депутаты не соглашались и обратились в Конституционный суд. Конституционный суд в полном составе под председательством Валерия Дмитриевича Зорькина принял решение о неконституционности этого указа и обращения Ельцина к народу и постановил о его отстранении от должности. Власть передал вице-президенту А. Руцкому. Верховным Советом были назначены новый министр обороны и другие должностные лица.

Но Ельцин – это не Горбачёв, тот ещё волчара. Он поднял всех, кто имел интересы быть связанным с ним, в том числе мэра Москвы Ю. Лужкова. Это потом Лужков стал такой противник Ельцина, противник Чубайса, такой народный мэр. А тогда он был просто преданный ельцинист. Лужков приказал отключить в Думе Советов электричество, отключить воду, все коммуникации, а дело уже двигалось к октябрю. И наступили холода.

В поддержку Верховного Совета стали выступать регионы. В Москве стали собираться огромные массы народа, которые понимали, что вот это и есть демократически избранный орган законодательной власти, действующий на демократических началах, в отличие от дуrolома Ельцина. Но Ельцин, опираясь на министра обороны Грачёва, на других силовиков, приказал полностью изолировать Дом Советов. Его окружили по периметру спиралью Бруно, которая была запрещена к применению ещё в 30-е годы Лигой наций. Были приведены войска к Дому Советов.

К чести некоторых военных, не все согласились участвовать в этой противоправной бандитской операции. Так, генерал Борис Громов заявил, что ему стыдно быть в армии, где армия будет стрелять в народ. Некоторые другие военнослужащие тоже отказывались. Отказалась "Альфа" штурмовать Дом Советов.

В свою очередь, депутаты тоже готовились к обороне, потому что они видели, что к чему. И 3 октября начался штурм. Я читал много материалов об этом, описал эти события в "Крике совы перед концом сезона". Но и сейчас, когда я возвращаюсь памятью к тем дням, просматриваю снова некоторые книги, перехватывает горло от гнева, обиды и горя.

Перед Домом Советов поставили небольшую часовенку. Народ приходил на службы. Люди собирались там. И вот началась атака. По людям стали стрелять впрямую. Защитники парламента попытались прорваться в Останкино, чтобы захватить телевидение и рассказать стране, что происходит. Причём посредником между Ельциным и парламентом выступила Русская Православная Церковь. Потребовали немедленно заблокировать Дом Советов, я сейчас вспоминаю, по-моему, где-то десятка полтора мощных регионов. Но Ельцин, не дождаввшись начала переговоров с Церковью, объявил о начале штурма. Люди, которые под руководством Анпилова и Макашова пытались захватить Останкино, действовали, может быть, несколько опрометчиво, и когда бывший в их распоряжении "КамАЗ" выбыл стеклянные двери Телецентра, со второго этажа их стали расстреливать фэсбешники из автоматов. Началась невероятная бойня.

А так называемый Белый дом сторонники Ельцина решили обстрелять из танков. И вот в центре европейской столицы вышли на набережную танки

и начали стрелять по зданию Верховного Совета. А там были люди безоружные в основном. Те, кто был вооружён, они стояли внизу и пытались отстреливаться от наступающих омонцовцев и армии. На этажах были беззащитные, безоружные женщины, служащие, депутаты. Два дня продолжалась эта бойня. Сколько погибло людей, власть ельцинская и нынешняя власть, поскольку Ельцин поставил Путина, не говорит. Наверное, убраны многие документы, исчезли свидетельства. Один из свидетелей говорил, что он видел, как снайперы и люди в гражданской одежде с винтовками М16 уходили к посольству США и скрылись там.

Я долгое время не мог спокойно ходить мимо стадиона, который рядом с Домом советов. Там все заборные столбы были обклеены портретами погибших при защите Дома советов, при защите демократии. Молодые лица, ребята, девчонки, мужчины средних лет, мальчишки – это все, кого убила ельцинская звериная власть.

Я глубоко убеждён: сколько бы ни скрывали это, сколько бы лет ни затапывали эти события, всё равно придёт время, когда им народ, страна и новая власть дадут соответствующую оценку. Я и тогда говорил, и потом, и сейчас говорю, что Ельцин – государственный преступник, он заслуживает повешения не как Саддам Хусейн, который несколько сотен курдов убил, а как убийца того, во что люди верили, за что голосовали – за демократию. Разрушив Советский Союз, Ельцин сладострастно докладывал об этом Конгрессу США. Вот дословно его речь:

Уважаемый господин спикер Палаты представителей!

Уважаемый президент Сената!

Уважаемые члены Конгресса, дамы и господа!

Я имею высокую честь выступить здесь, в Конгрессе Великой свободной страны! Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда! Я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!

Открываются архивы КГБ и бывшего ЦК КПСС. Более того, мы приглашаем Соединённые Штаты и другие государства к сотрудничеству в расследовании этих тёмных страниц бывшей Империи.

Издан законодательный документ, в соответствии с которым иностранные граждане, приватизирующие тот или иной объект и сооружение в нашей стране, получают в собственность также и участок земли, на котором он расположен. Мы приглашаем американский частный капитал на уникальный и малоосвоенный российский рынок и говорим: не опоздайте!

Сегодня свобода Америки защищается в России! Если реформы провалятся, придётся заплатить многие сотни миллиардов долларов, чтобы хоть как-то компенсировать эту потерю.

Хотел бы закончить своё выступление словами из песни американского композитора российского происхождения Ирвина Берлина: “Господи, благодать слови Америку!”

Слушая это выступление, я думал: “Господи! Что же мы за народ, что взгромодили такое чудовище распорядиться нашей страной, топтать нашу жизнь и наши души”. Впрочем, чему удивляться, если души даже поводырей оказались продажны...

Разговаривая с Юрием Васильевичем Феофановым, своим бывшим начальником и впоследствии своим коллегой по журналу “Российская Федерация сегодня”, я его спрашиваю: “Как же это понимать, ведь вы всё время писали, внушая народу, массам, что закон есть закон, плохой ли он, хороший, но его надо исполнять. И только когда закон изменят, тогда можно старый отменять”. Он говорил: “Ну, ты понимаешь, бывают обстоятельства, когда нужно вот так действовать...” Рассуждения, прямо скажем, были проститутские.

Надо сказать, что до 1 октября я находился в Слотине. Наблюдая за разворачивающимися событиями, решил ехать в Москву, чтобы прорываться в Белый дом к депутатам. От одного человека, может быть, не слишком большая помощь. Но я всё же умел стрелять и всё-таки журналист, должен был посмотреть на всё сам. Но не получилось. И как мне говорят, и я так думаю, наверное, меня спас от смерти Бог.

Я строил дом. Он уже обретал какие-то полузаконченные черты. И не было только крыльца, ступенек, выхода из дома, а вместо них лежал широкий

помост от дверей на улицу, по которому я каждый день раз 50–70 бегал туда-сюда. В ночь, незадолго до штурма Белого дома, я вышел из дома на помост, сбегать, как говорят, по малой нужде. Шагнул – и рухнул с помоста.

А высота была где-то полтора-два метра. От боли я чуть не потерял сознание. Ползком добрался до соседнего домика, где жили Нина Ивановна и Алексей Александрович Спирины. Простая добрая семья. У них я часто оставался ночевать, когда начинал строить дом. Нина ещё работала, а Алексей уже был на пенсии и трудился кочегаром в пионерском лагере. Это был худенький невысокий мужчина с морщинистым сухим лицом, незлобивый, и суть его выражала присказка-тошт, когда мы выпивали: “Быть добру!”

Выпить Лёша любил, но и под хмельком был такой же индифферентный, как и в трезвости. Между нашими домами, но на моём участке, росла липа. Что-то мне вздумалось, будто она, когда ещё больше вырастет, будет закрывать тенью мой дом. Обеспокоенный, я ему сказал: “Лёш, сруби её!”

Приезжаю через неделю: липа стоит. Я опять повторю просьбу. Приезжаю ещё через несколько дней: липа стоит. Снова, но поостороже, прошу: “Сруби!” И вдруг в Москве вспоминаю, как идёт по небу солнце, и никакая тень моему дому не грозит. С ужасом думаю: что же я натворил? Зря погубил красоту. Лёшка, наверно, уже на дрова её пустил. С тревожным беспокойством мчу в Слотино, подъезжаю к участку. Липа стоит! Вот она, русская неторопливость.

А какие зимние вечера мы коротали с Алексеем! Привезу бутылку водки, колбасы, другой еды. Алексей нажарит большую сковороду картошки. Такой, какую я люблю: сильно поджаристую, с хрустом. За окнами домика мороз, а в избушке тепло. Мы разговариваем – в основном я, – Лёшка не говорит, потом он идёт на свою кровать за печкой, а я ложусь на старом диване.

Сейчас этот домик “в деревне с землёй” купила семья Виталия Белоуса. Сам он с Украины, давно живёт в России. Жена Галина – москвичка. Землю используют, как хорошие фермеры. Есть куры, а овощей Галина маринует до двухсот банок. Но это сейчас. А в ночь на второе октября 1993 года я подполз к спиринскому домику и начал стучать: “Лёша, выйди!” Он вышел: “Что такое, Вячеслав?” – “Представляешь, я рухнул с помоста”.

Кое-как он помог мне дойти до дома, а у меня был дома телефон уже, я позвонил в Москву жене Людмиле. Она утром чуть свет примчалась в Слотино. Обвязала простынёй мне грудь. Мы сели на мою “Ниву” и поехали в Москву. Там я зашёл в поликлинику “Известий” и обратился к врачу-рентгенологу по фамилии Санпитер. Он посмотрел и говорит: “Ну, ничего особенного у Вас нет, ушиб”. Ну, ушиб... А очень больно было. Да, я хотел идти в Белый дом. А потом думаю: приду я сейчас туда, кто-нибудь ткнёт меня в бок или заденет локтем, и я упаду от боли, потеряю сознание.

С горечью и болью я смотрел на трагедию разгрома демократии по телевизору. Ах, как они все сладострастно верещали! Была некая Белла Куркова, сейчас, говорят, такая пророссийская, а тогда была одной из тех, кто ненавидел эту власть, этот Верховный Совет. Да много их, их был легион. Я уже не говорю про всех этих “чубайсов”. А выступил по телевидению Гайдар перед штурмом и призвал народ прийти к мэрии защищать демократию. И это в их понимании была демократия – расстрел из танков и убийство безоружных людей?!

В эти дни в Волгограде должна была состояться свадьба моей племянницы – дочери моей родной по отцу сестры Людмилы. Я поехал туда. И потом смотрели видеосъёмку, что я танцевал и всё время морщился от боли. Вернувшись в Москву, позвонил другу нашей семьи Галине Григорьевне Прохоровой, она была главным инженером центральной районной больницы (ЦРБ) в Сергиевом Посаде. Говорю, что так и так, может быть, надо бы посмотреть. Приехал. Мы с ней зашли в кабинет хирурга. Он сейчас живёт в селе Марино рядом с нами, хорошо знаем друг друга. А тогда едва я вошёл в дверь, а до него было метров пять, наверное, доктор глянул и говорит: у Вас перелом рёбер. “Какой перелом? Ушиб!” “Я вам повторяю: перелом”. Сделали снимок – действительно три ребра были сломаны. И этот гнусный Санпитер, я потом ему высказал, что я думал по его поводу... Мне потом сказали: Вы же могли проколоть этими сломанными рёбрами лёгкие. Но откуда я знал, что у меня такая картина.

Ещё до расстрела Белого дома я собрался уходить из “Известий”. Меня пригласил в “Российскую газету” её главный редактор Валентин Логунов. Зашёл

попрощаться с Голембиовским. “Зря ты ставишь на парламент, на Хасбулатова”. “Российская газета” была изданием Верховного Совета. “Я ставлю не на Хасбулатова, — сказал я. — Я ставлю на то, о чём вы пишете и всё время трещите, — на демократию. Ибо парламент с его разными взглядами, с его разными мнениями и есть демократия. А вот ты, Игорь, возвращаешь волчьи нравы. Волчата подрастут и перегрызут тебе горло”. Так оно и случилось. Впоследствии наступил момент, когда многие, особенно молодые, предали его.

После разгрома Верховного Совета В. Логунова убрали. Вместо него в кабинет главного редактора “Российской газеты” люди с автоматами привели новую главную редакторшу, которая до этого руководила чем-то вроде “Блокнота агитатора”. Я продолжал оставаться на больничном. Когда он кончился, приехал в “Российскую газету”. Едва вошёл, девочка из отдела кадров заявила: вас ждёт главный редактор. Вошёл в знакомый кабинет. В кресле Валентина Логунова сидела небольшая, похоже, щупленькая женщина. На щеках — горячий румянец, ножки не достают до пола. Болтая ими, она объявила: “Мы вам не можем предоставить ту должность, которую вы занимали”. Назвала что-то вроде завхоза. Я засмеялся: “А я и не собирался с вами работать. Тех, кого с автоматами приводят, думаю, с автоматами и уведут”.

Её вскоре увели. Правда, кажется, без автоматов. Просто убрали как, видимо, дискредитирующую власть захватчиков. Уж слишком яростно газета прогибалась под ельцинистами и топтала народом избранный парламент. А я ушёл в журнал “Российская Федерация”.

Глава 11 Битвы на алмазном фронте

В конце 1987 года мне в кабинет вдруг звонит помощник главного редактора: “Вячеслав Иванович, Иван Дмитриевич просит вас зайти к нему”. Я спускаюсь на третий этаж, вхожу в кабинет главного. Рядом с ним стоит высокий, плотный мужчина. “Вот, знакомьтесь, — говорит Лаптев. — Это наш парламентский обозреватель Вячеслав Иванович Щепоткин, а это (уже ко мне) — депутат Верховного Совета СССР Владимир Венедиктович Пискунов. Вот идите с Вячеславом Ивановичем, он поможет вам сделать статью”.

Мы поднялись ко мне. Он дал несколько листов бумаги с машинописным текстом. Оказалось, это генеральный директор объединения “Якуталмаз”, и он хотел выступить на сессии Верховного Совета с рассказом о проблемах алмазодобывающей отрасли. Но то был старый Верховный Совет, который собирался на два-три дня, чтобы утвердить бюджет, принять какие-то законы, подготовленные аппаратом без участия самих депутатов, и народные избранники разъезжались по домам. Выступали обычно несколько человек. Пискунов тоже подал заявку, что он хочет выступить. Но говорили-говорили, выступали и вдруг председательствующий объявляет: “Есть предложение подвести черту под прениями”. И все дружно проголосовали. Пискунов возмутился, что-то начал даже выговаривать. Но всё уже приняли.

Тогда он после заседания подошёл к секретарю Президиума Верховного Совета СССР Ментешашвили и говорит: “Как же это так?.. “ А у него голос трубный, зычный. Все они — алмазные руководители, как я узнал позднее, были словно вырубленные из горной породы: “Мне коллектив поручил выступить как депутату на сессии Верховного Совета, рассказать о проблемах, а мне не дали слова”. Ментешашвили говорит: “Ну, давайте мы попробуем сделать лучше: одно дело — вы бы выступили на сессии, а другое — если ваше выступление будет напечатано в газете”. Он тут же позвонил Лаптеву и сказал: “Примите товарища Пискунова, чтобы он выступил в газете”. Вот так мы с Пискуновым оказались у меня в кабинете.

Я прочитал его выступление. Один раз прочитал. Посмотрел на Пискунова, он сидел уверенный, спокойный, нога на ногу, длинное лицо, высокий лоб — всё выражало уверенную силу. Я ещё раз прочитал. Потом смял эти листки и бросил их в корзину. Пискунова словно кипятком ошпарили. Он выпучил глаза и заорал: “Ты что делаешь? Кто тебе это позволил? Это писало много людей, и секретари обкома партии, и другие”. Я сдержанно посмотрел на него и сказал: “Ну, во-первых, на “ты” не надо, мы с вами пока ещё плохо знакомы. А во-вторых, если вы хотите, чтобы о ваших проблемах узнали

и приняли какие-то, может быть, решения, то надо делать не так. Это справка. Надо делать статью”.

Дня два мы с ним сидели. Я его расспрашивал, записывал. Потом написал статью под названием “За гранью алмаза”. Мы её опубликовали в “Известиях”.

Реакция, конечно, была приличная. Он даже не ожидал. Во-первых, ему понравилась статья. Это было не то, что справка, а за подписью Пискунова, генерального директора, появилась такая проблемная, постановочная статья. А во-вторых, начались определённые подвижки.

Правда, уже разгоралась перестройка. И во всех отраслях стали появляться провалы, пробелы и проблемы. Но статья вышла. Он позвонил, поблагодарил. И на этом мы закончили наши контакты.

Прошли годы. В начале 90-х он позвонил и сказал: “Вячеслав Иванович, я хочу встретиться”. Говорю: “Давайте, приезжайте”. Он приехал и начал рассказывать.

“Мы создали компанию. Назвали её “АЛРОСА”... Спрашиваю: “Что это означает?” “Алмазы России – Саха”. Саха (Якутия) – официальное название республики. “Ну, и хорошо, наверно, сделали”, – довольно равнодушно говорю я, ибо мне алмазы были, как говорится, до лампочки. “Но у нас проблема. Я бы хотел попросить вашей помощи”. Я так индифферентно спрашиваю: “А что за проблема?” Честно говоря, мне хотелось от этого дела отвертеться, потому что для меня слово “алмазы” было в какой-то мере синонимом не только таинственности, но и чего-то такого, к чему надо прикасаться аккуратно. Пискунов объясняет: “Вот мы добываем алмазы, сдаём их в Гохран. А Гохран начали разворовывать”. “О, и там начали! И кто же это?” “При Ельцине – говорит Пискунов, – создали Роскомдрагмет, комитет по драгоценным камням и металлам. Его возглавил Евгений Матвеевич Бычков – человек Ельцина. С его подачи и началась “растаскиловка”. Но мало этого. Они уже глядят, как бы заграбастать нашу компанию, мы не даёмся. Пришёл новый президент – Штыров Вячеслав Анатольевич, он твёрдо заявил, что никому мы не будем продаваться, что мы будем соблюдать государственные интересы и никого близко не подпустим к компании. После этого они начали нас давить”.

Так я впервые узнал о том, что существует такая компания и у неё проблемы, и алмазы, оказывается, растаскивают.

Одновременно впервые услышал фамилию Штырова. По профессии он был строитель, довольно быстро вырос на якутских стройках от прораба до заместителя начальника главка. Видимо, разглядев в нём недюжинные способности организатора, усовершенствованные учёбой в Академии ЦК КПСС, первый президент республики Михаил Николаев взял его на свои выборы в качестве вице-президента. Таким образом, вывел молодого, одарённого человека на широкую карьерную дорогу. Вячеслав Штыров одновременно с вице-президентством стал председателем правительства. А когда недавно созданная алмазодобывающая компания “АЛРОСА” – главная “кормилица” Якутии – стала, по сути дела, загибаться, предложил Штырову возглавить её.

Алмазные пираньи в российском Гохране

Но прежде чем продолжать дальше, я должен сказать немного, как говорится, об истории вопроса. Подробно рассказать не удастся, потому что это очень обширная история, о которой я написал роман “Дуэль алмазных резидентов”. Сейчас вышло два издания на русском языке, кроме того, он переведён на якутский и вместе с моим романом “Крик совы перед концом сезона” – о разрушении Советского Союза – удостоен “Большой литературной премии России”.

Алмазы – это сырьё для изготовления бриллиантов. Правда, есть ещё технические алмазы – мелкие, непригодные для ювелирного дела. Из них получается алмазный порошок, – тоже нужный продукт. Им обрабатывают в промышленности важные детали, например, оружейные стволы и многое другое.

А ювелирные алмазы, которые занимают меньшую долю в добыче, это очень ценное сырьё. Достаточно сказать, что взвешиваются они в каратах. Карат же – это всего 0,2 грамма. Когда алмазов в мире добывалось немного, то они, естественно, и стоили очень дорого, и украшали только королей. А потом, когда их начали добывать в большом количестве в Южной Африке, встал вопрос, как сделать так, чтобы алмазы не заполнили рынок и не упали

в цене. Ведь алмаз, как я писал, не хлеб и не картошка. Его, если много на рынок выбросишь, то цены рухнут, и поднять их будет трудно. И вот некий Сесил Родс, англичанин, придумал, как избежать “алмазного затоваривания”. Он выдвинул лозунг: “Если на Земле будет всего три человека, то алмазов надо продавать столько, чтобы хватило лишь двоим”. То есть всё время должен быть дефицит.

Вот на этом основании начала создаваться так называемая одноканальная система продажи алмазов. Иначе говоря, продажа драгоценного сырья из одних рук, из одного места.

Дело Родса продолжило семейство Оппенгеймеров. Они создали корпорацию “Де Бирс”, которая заключала договоры со всеми алмазодобывающими странами о том, сколько сможет купить алмазов у каждого государства по твёрдой цене. При этом ставилось условие, что самостоятельно государства на рынок выходить не должны. Ибо это будет во вред и им, и всему мировому рынку.

А продавала “Де Бирс” алмазы только 160 отобранными покупателям, так называемым сайтхолдерам. Эти люди заранее давали заявку в штаб-квартиру “Де Бирс”, которая находится в Лондоне, на какую сумму им нужно приобрести алмазов. В Лондоне собирали партию драгоценных камней из разных месторождений планеты, насыпали в простой бумажный пакетик, и диамантер отправлялся с ним в смотровую комнату. Как правило, соглашался с предложением, ибо тех, кто отказывался, обычно больше не приглашали. Цена, по которой диамантер покупал алмазы в Лондоне, считается мировой. Ниже она может быть лишь в том случае, если алмазы где-то украсть. Ведь производитель бриллиантов, тот самый диамантер, отбирал из купленной партии нужные ему алмазы, а остальное продавал, скажем так, коллеге, не допущенному в круг избранных покупателей. Продавал, естественно, дороже. Тот, в свою очередь, следующему, и так далее. В конце цепочки цена вырастает процентов на сорок. А если учесть, что некоторые алмазы стоят и 10, и 20, и 30 тысяч долларов за карат, а диамантеров в мире – тьма (в одной Индии их около миллиона, не говоря о США, Бельгии, Израиле), то понятно, сколько желающих припасть к дешёвой алмазной “кормушке”.

Когда был Советский Союз, “Якуталмаз”, добывая свою продукцию, часть её продавал “Де Бирсу”, как другие страны. Остальное складывал в Гохран. Правда, “Де Бирс” ставил ещё одно условие всем государствам: они не должны были иметь на своей территории ограночной отрасли. И только в Советском Союзе, по настоянию председателя правительства Алексея Николаевича Косыгина, были созданы семь гранильных заводов с одним именем “Кристалл”. Корпорация пошла на уступку лишь потому, что страна добывала четвертую часть всех алмазов в мире. К концу существования Советского Союза в Гохране, по оценкам экспертов, скопилось алмазов примерно на 13 миллиардов долларов.

Когда страна развалилась, заводы остались в разных республиках и большинство их погребло. В России были три завода – в Барнауле, в Москве и в Смоленске. Из-за отсутствия оборотных средств – не на что стало покупать алмазы – первый остановился совсем. Второй дышал, но плохо. И только третий – в Смоленске, благодаря усилиям талантливого, дальновидного генерального директора Александра Ивановича Шкадова, работал довольно успешно.

Но Бычков, возглавив Роскомдрагмет, объявил, что у России нет гранильной промышленности, что мы должны пригласить профессионалов из других стран, чтобы они научили нас, как ограничивать алмазы в бриллианты. Для этого, мол, надо создать совместные предприятия. И что тут началось! Если перед концом Советского Союза у нас было два совместных предприятия, то через несколько месяцев после прихода Бычкова их стало полторы сотни. Такой взрывной рост объяснялся очень легко. Благодаря активной бычковской пропаганде в СМИ и в правительстве о том, что совместные предприятия нужно считать отечественными, им незаслуженно предоставлялись невиданные льготы. Во-первых, они получали право покупать алмазы, как государственный смоленский “Кристалл”, по цене ниже мировой. Во-вторых, им открыли доступ в Гохран, чтобы выбирать алмазы. Разумеется, более хорошего качества, чем на торгах в Лондоне. И дешевле, нежели у строгой корпорации. Этого не имел даже государственный смоленский завод. В-третьих,

по два месяца могли не платить за взятые алмазы. Это давало ещё одну выгоду, и немалую. Взяв бесплатно дорогой товар, люди СП тут же контрабандным путём вывозили его за границу, продавая там в полтора раза дороже, чем потом будут расплачиваться в России. Наконец, эти СП, по решению правительства, получили право первые три года не платить налоги в российский бюджет. А дольше почти никто из них не работал. Когда подходил срок, менялось название и по тому же адресу, с теми же учредителями регистрировалось новое СП.

Но это ещё не всё. Бычков уверял, что совместные предприятия создадут десятки тысяч рабочих мест. В действительности всё оказалось совершенно не так. Большинство СП имели не более десяти рабочих мест, да и то на бумаге.

А что ж это были за совместные предприятия? Учредителем с иностранной стороны, как правило, выступал какой-нибудь недавний гражданин СССР, переехавший в Израиль, США, Бельгию, Канаду. Сменив фамилию типа Рыбакова на Фишмана, он приезжал в Россию, объявлял себя диамантером, хотя алмазы и бриллианты видел только в кино. Соучредителем с российской стороны нередко становился государственный чиновник. Зачастую высокого ранга. Ещё недавно, по словам одного из героев моего романа, “сам никто и звать никак” — я таких назвал “человеками из щелей”, — теперь он становился соучастником разграбления России.

Получив немислимые преференции, вся эта орава наскорю слепленных СП припадала к накопленным за десятилетия алмазным богатствам. Чиновников не зря брали в соучредители. Они помогали грабежу. Например, в декабре 1994 года двум государственным предприятиям системы “Кристалл”, московскому и смоленскому, было отпущено из кладовых Гохрана 33 тысячи каратов алмазов. На заводах в то время было 1800 рабочих мест, и загруженность предприятий составляла 60 процентов. Но ровно столько же — 33 тысячи каратов — получило совместное предприятие “Сапфир”, где, по данным самого этого СП, было всего 19 рабочих мест. И вставал вопрос: куда “Сапфир” денет такую массу драгоценных камней? Это же всё равно, что воробью дать мешок пшеницы! Чиновники и лжедиамантеры знали, куда уйдут алмазы. За границу.

Счётная палата России провела проверку и установила, что в 1994–1995 годах предприятиям всех форм собственности выделялось на 1,4 миллиарда долларов алмазного сырья. Однако обрабатывалось в России только на 450 миллионов. Остальное под разными предлогами вывозилось за границу.

То есть почти на миллиард долларов. Но и через таможенную проходила не вся эта масса. Здесь отмечали только на 400, на 500 миллионов долларов. Остальное вывозили контрабандным путём — в лифчиках курьерш, в трусах, в портфелях, в ботинках и так далее. Курьеров ловили, но поймать было трудно. Можно было их схватить только оперативным путём, потому что алмаз виден лишь в рентгеновском диапазоне. А как всех будешь просвечивать? Вот так всю “работали” эти совместные предприятия.

А куда же вывозилась эта лавина алмазов? В основном в Израиль. По сведениям одного из официальных лиц этой страны, в Израиль из России каждый год поступали алмазы на 600 миллионов долларов. В итоге страна, где не добывалось ни одного карата, стала одним из ведущих экспортёров алмазов на мировом рынке. И продавалось их больше, чем компания “АЛРОСА” отпускала “Де Бирсу”.

Бычков вряд ли смог бы один так устроить разграбление российского Гохрана, если бы не поддержка правительственных чиновников и администрации президента. Он всё время твердил во всех правительственных кабинетах, а оттуда это переходило в газеты и журналы, что совместные предприятия — это наши государственные предприятия. Но, как я писал в своей книге “Дуэль алмазных резидентов”, они были, скорее, алмазными пираньями. Государственными их можно было назвать примерно так же, как Папу Римского итальянцем. Но имея не просто поддержку, а соучастие чиновников в совместных предприятиях, удавалось Гохран грабить направо. А иностранные члены этих СП запросто покупали российских чиновников. И в зависимости от услуги перечисляли на их зарубежные счета доллары, фунты, марки, а то и просто дарили алмазы и бриллианты.

Но мало этого, когда компанию “АЛРОСА” возглавил Вячеслав Штыров, Бычков и его поделельники увидели, что пришёл человек, с которым невозможно

договориться в интересах контрабандистов, а значит, надо его свалить. И вот тут началась ожесточённая и изощрённая война против государственной компании “АПРОСА”.

Почему я говорю “государственной”? Потому, что 70 с лишним процентов её было в собственности государственных структур: Росгосимущества Российской Федерации, Госимущества Якутии, администрации восьми улусов, то есть районов республики, где добывались алмазы. Кроме того, акционерами компании с незначительным количеством акций были фонд поддержки военнослужащих и трудовой коллектив. К тому же компания была закрытым акционерным обществом. То есть разорить её так, как разоряли все остальные прибыльные и лакомые кусочки, которые оказались открытыми обществами, было нельзя. Туда вступали будущие владельцы, скупали акции и становились олигархами. Причём скупали, можно сказать, за гроши. Так вот, поскольку её нельзя было купить, чтобы свалить неугодного президента, компанию начали душить снаружи.

Своё правительство работает на чужих

По указу Ельцина правительство должно было за несколько месяцев до начала следующего года выделять объём квот на вывоз алмазов. Компания была признана единственной экспортной организацией алмазов, официально продавая через “Де Бирс” часть добываемого сырья. Кроме того, “АПРОСА” имела право продавать некоторую часть их на свободном рынке, чтобы контролировать цены и смотреть, не обманывает ли её “Де Бирс” в этом отношении. И вот никаких этих квот и никаких этих разрешений даже на продажу “Де Бирсу” Минфин и все завязанные, купленные чиновники компании не давали. Не давали по полгода. А что такое полгода или семь месяцев не давать разрешение на вывоз “Де Бирсу” и на продажу этой корпорации алмазов? Это значит, нет денег. А компания вообще кормилица республики. Она содержала не только алмазодобывающую провинцию, где оплачивала деятельность здравоохранения, образования и целого ряда других бюджетных сфер. Не имея денег, не могла развиваться, а Штыров требовал строительства новых рудников, новых горно-обогатительных комбинатов. Не все его поддерживали в этом. Но команда постепенно сформировалась, прямо скажем, боевая и действующая в одном русле с президентом.

Это были вице-президенты Александр Сафронович Матвеев, Иван Кириллович Демьянов, Зельберг Семён Ильич, Владимир Венедиктович Пискунов, тогдашний главный инженер Дюкарев, целый ряд других специалистов.

Российская власть помогала разными способами удушить компанию в интересах алмазной зарубежной мафии. Например, сотрудничество с корпорацией “Де Бирс” протекало на основании Торгового соглашения. Эти соглашения заключались уже к этому времени лет 30–35. И последнее, которое было заключено перед концом Советского Союза, уже заканчивалось.

Штыров и его люди “бомбили” Министерство финансов, другие правительственные структуры предложениями о том, что нужно продлевать Торговое соглашение. Этого требовала и корпорация “Де Бирс”, потому что без согласованного документа работать не разрешалось. Но если перед концом Советского Союза торговые соглашения смогли подготовить и принять за три месяца, то здесь проходил год за годом, а документ всё не выпускали. Его проводили по длинной цепочке разного рода ведомств и министерств. И каждое находило какую-нибудь зацепку, чтобы отправить документ на новую доработку.

Придирки были настолько издевательскими, что по-хорошему тех, кто их высказывал, надо было увольнять с работы и никогда не подпускать больше к государственной службе. Например, в Минфине однажды сделали замечание, что вот тут надо точку с запятой, а вы поставили запятую. В другом ведомстве написали, что тут, мол, надо с большой буквы, а вы сделали с маленькой. Поэтому отправляем на новый круг согласований. А новый круг – это полтора десятка разного рода виз надо собрать.

Один из закопёрщиков этого торможения был министр финансов Лифшиц. Он у меня в романе проходит как Липшис. Штыров лично добивался встречи с ним, но секретарши говорили, что он занят, его нет, он на приёме, он на встрече с Борисом Николаевичем и прочее. Но надо сказать, что Вячеслав

Анатолевич Штыров был человек не просто упрямый и настойчивый, а человек несгибаемый.

Многое взял он от отца, контр-адмирала. Его отец, Анатолий Тихонович, одно время работал заместителем начальника разведки Тихоокеанского флота. Однажды как командир подводной лодки он исследовал очень сложный фарватер, по которому можно было выходить в открытый океан. Никто до него этим фарватером не проходил.

Другой раз его подводная лодка оказалась, ну, не случайно, конечно, а заведомо, среди кораблей шестого американского флота, который проводил ученья. И сделав, скажем так, как бы тренировочные, или прикидочные, торпедные залпы, не подлинные, а имитационные, она обнаружила себя. И лодку стали бомбить по-настоящему. Об этом Анатолий Тихонович Штыров написал в одной из своих книг.

Надо сказать, что он оказался талантливым литератором-маринистом. Его повести и рассказы были опубликованы в нескольких книгах, ими зачитывались не только моряки, но и сухопутные читатели. Так вот в тот раз, когда бомбили его подводную лодку, они с огромным трудом смогли вырваться из этого кольца.

До похода командира Штырова наши подводники пытались несколько раз пройти этим путём, но их каждый раз вычисляли, заставляли всплыть, ставили в так называемый конверт и с позором возвращали на нашу базу. А Штыров-старший сумел вырваться из этого подводного плена и прийти на базу.

Однако перед этим наши разведчики перехватили сообщение о том, что американскими военными кораблями потоплена советская подводная лодка. Поводом послужило масляное пятно на поверхности воды. Глубинными бомбами разорвало внешний корпус лодки, где хранилось горючее. И вдруг израненная подлодка, с разорванным внешним бортом, возвращается домой, хотя там уже друзья помянули экипаж в ресторане, а жены думали, что их близкие погибли.

Так вот, унаследовав от сурового отца, твёрдого в действиях, с жёстким характером, многие его черты, Штыров и сам стал таким. Даже внешне было видно, что это не какой-то интеллигентный соплячок, а суровый, мужественный человек.

Не попав к Лифшицу, он стал пробиваться к его начальнику – первому вице-премьеру Чубайсу. Пробился. Чубайс заявил: зря вы беспокоитесь, что нет денег из-за непродажи алмазов, что в Якутии могут погибнуть люди. Ничего, какая-то часть погибнет, на то и есть рынок. Тем не менее, в конце концов, Штыров добился нужного для страны дела: Торговое соглашение было заключено. И теперь компания могла работать спокойнее.

Но работать ей не давали. Взгляды мафии обратились на “АЛРОСУ”, потому что запасы алмазов в Гохране совсем подошли к концу. Хотя их, как мы помним, эксперты насчитывали на 13 миллиардов долларов. Это было сопоставимо с объёмом так называемых “стоков”, то есть запасов “Де Бирс”. Буквально через несколько лет там оставалось уже то, что называется индийский товар – мелкие неходовые алмазы.

А Гохран пустел, потому что мафия обнаглела совсем. Некий Козленок, с помощью, как потом говорилось на суде, Бычкова, создал в Лос-Анджелесе фирму “Голден АДА”. Туда из Гохрана самолётами, в сопровождении правительственной фельдсвязи, были вывезены тонны золотых монет, огромное количество алмазов, бриллиантов и других российских ценностей. Вывезли по специально заниженным оценкам на 180 миллионов долларов, хотя специалисты считают, что подлинная стоимость минимум в три раза больше. Ведь наилучшие алмазы в Гохране отбирали в воскресенье, что запрещено инструкциями. Отбирали так, чтобы никто не видел и не мешал. На вывезенные из России драгоценности Андрей Козленок и его поделники братья Давид и Ашот Шегеряны, которые до создания “бриллиантовой фирмы” красили бордюры в Лос-Анджелесе, купили дорогие особняки, первоклассные машины, яхты и даже реактивный самолёт.

В ходе того же расследования Андрей Козленок говорил, что председатель Роскомдрагмета Евгений Бычков был одним из директоров этой воровской фирмы.

Сейчас уже второй раз показали фильм по НТВ “Как ограбить Россию. Золотой Козленок”. Я считаю, что этот фильм сделан плохо, в традиционном стиле НТВ-шников, которые всякую проблему сводят к винегрету из действующих

лиц и их обрывочных высказываний. Причём в роли комментаторов выступают те, кто и близко этой проблемы не знал — только прочитал или в моей книге “Дуэль алмазных резидентов”, или в некоторых журналах того времени.

В общем и целом, историю с Козленком можно охарактеризовать словами: вор у вора дубинку украл. А НТВ-шники в своём фильме сделали все, чтобы оправдать Бычкова. Дескать, бедненький, доверчивый Бычков поверил этому проходимцу Козленку, который наобещал ему великие блага, огромные кредиты из Америки. Причём из фильма можно сделать вывод, что Козленок сам по себе вошёл в Гохран — что абсолютно невозможно без участия руководства хранилища и страны, — набрал там бриллиантов, алмазов, золота и самостоятельно вывез в США. Ибо задачей их было — оправдать Бычкова и российско-зарубежную алмазную мафию. В Гохран нельзя было зайти без разрешения председателя правительства. Даже министр финансов, а тогда им был Борис Фёдоров, не имел права открывать Гохран. Значит, или было распоряжение Черномырдина, или ворьё всё открыло самостоятельно.

Американские правоохранительные органы заинтересовались, что это за фирма, для которой из России прилетают самолёты, полные бриллиантов и алмазов. Причём в сопровождении российских официальных лиц. Подключилось ФБР. Козленок запрягал, стал уходить.

Но тут и наши заволновались. Причём на допросах, как я уже говорил, Козленок, со ссылкой на документы, заявлял, что Бычков в этой “Голден АДА” был директором от России. Председатель Роскомдрагмета не скрывал, что бывал у Козленка в его дворце в Бельгии, что прилетал в Сан-Франциско для встреч со своим подельником. И даже в этом фильме, где следователь по особо важным делам Руслан Тамаев, который вёл дело Козленка и не мог раньше многого рассказать, поскольку был на службе, уйдя с неё, заявил: теперь я свободен, я могу говорить; ко мне Бычков подослал человека, который предложил баснословные условия, чтобы я не раскручивал это дело. Это значит, что Бычков и был главным, кто позволил вывезти из России огромные ценности.

А когда Торговое соглашение было подписано и, казалось, что компании уже никто не помешает выполнять обязательства, “АЛРОСА” отправила “Де Бирсу” посылки с алмазами в рамках соглашения. Однако их внезапно задержали на таможне по требованию Роскомдрагмета. Якобы компания оценила вывозимые алмазы по заниженной цене. Значит, нужен был пересчёт всего содержимого партий, сравнение преискурантов, действующих цен и так далее. Работа предстояла долгая. А это наносило сильный удар по финансово-экономическому состоянию компании. Ведь 50-тысячный коллектив ждал зарплат, республиканский и федеральный бюджеты — налогов, строители и монтажники предприятий, возводимых в суровых условиях Севера, — нового оборудования. Всё это могли дать добытые с огромным трудом из вечной мерзлоты алмазы. Но они вместо Лондона лежали в Москве на таможне, где их несколько месяцев неторопливо перебирали разные специалисты. Когда, наконец, здать уж было нечем, Штыров заявил: “Если в Роскомдрагмете считают, что мы оценили их дешевле, чем положено, то пусть покупают их по этой цене”. И буквально на следующий день оценку компании признали правильной. Алмазы, согласно договору, пошли “Де Бирсу”.

Компанию травили не только такими действиями. Не было дня, чтобы в газетах и журналах не появилась какая-нибудь порочащая “АЛРОСА” публикация. Купленные журналисты, особенно в этом смысле отличались “Известия” — вот где были наглые публикации, в которых всё переворачивалось с ног на голову! — да и в других тоже этого хватало, писали, что компания нищая, что она много должна зарубежным банкам, что она может быть банкротом, что люди там не хотят работать. То есть всё, что только можно было придумать.

До появления Штырова в компании заседания правления, наблюдательного совета проходили довольно хаотично. Какого-то чёткого и жёсткого графика не существовало. Новый президент сразу установил твёрдый порядок, в том числе поручил проводить эти заседания именно в республике, где добываются алмазы. Однажды, когда руководство компании было в Якутии, вдруг по НТВ начинается передача, где Евгений Киселёв (был такой, сейчас он, по-моему, на Украине воюет с Россией) с подачи министра финансов Лифшица объявил, что против компании “АЛРОСА” возбуждено уголовное дело за неуплату налогов, что она жульничает, что это жуткое преступление и её президента скоро выгонят. Всё это было заявлено по НТВ на всю страну.

Вскоре выяснилось: сказанное министром финансов и Киселёвым – клевета. Очень быстро алмазники доказали свою правоту. Но Лифшиц даже не извинился перед многотысячным коллективом. Ведь задача стояла сменить руководство компании и захватить “АПРОСУ”.

Человек, который видит дальше завтра

С распадом Советского Союза развалилась и геологическая отрасль во всех республиках. Не была исключением и Россия. В Якутии геологи старались выжить, кто как мог, в том числе продавая сведения о перспективных районах месторождений. Штыров, который всё время говорил, что мы должны смотреть на годы вперёд, настоял включить геологов в состав компании, с теми же льготами, какие были у горняков алмазодобычи. Не все были согласны с этим. Даже некоторые ближайшие члены команды говорили: “У нас денег не хватает на зарплату своим, а Вы ещё хотите взять на шею компании геологов”. Он убеждал: геологи нам дадут будущее.

Однажды приехал в геологическую экспедицию. Она работала на существующих месторождениях. Изучали борта, то есть боковые части карьеров, смотрели, куда ещё можно двигаться. Но это было между делом. А серьёзной работы, больших поисков не осуществлялось. Штыров начал выступать. А геологи – публика своеобразная. Смотрели на него с иронией: вот новый президент впервые приехал, мы на него посмотрим сейчас. Когда он стал говорить, что нужно искать, что вы засиделись в кабинетах, в тёплых домах и квартирах, нужно в “поле” идти, некоторые иронически заулыбались. Однако, едва президент заговорил на знакомом им языке, люди обратились в слух. Он говорил, что наша республика, как вы, наверное, знаете, в геологическом отношении имеет сходство с Южной Африкой. Это значит, что у нас ещё могут быть большие открытия. И заявил: кто найдёт крупное месторождение, тому будет большая, даже, можно сказать, огромная премия. Как показало время, года через два начались открытия. И компания уже обеспечивала себе фронт работ на долгое время вперёд.

Но денег действительно не хватало, ибо одновременно Штыров настаивал на изменении способов добычи. Сейчас, как известно, алмазы добываются в карьерах открытым способом. Но проходят годы, десятилетия, и карьеры разрастаются. Скажем, карьер “Мир” стал уже настолько большим и глубоким, что над ним запрещено летать вертолётам – их может затянуть туда. Этот карьер виден из космоса. Он подошёл почти к самым домам города Мирного. Надо делать подземный рудник.

На трубке “Удачной” богатый карьер был ещё доступным для отработки. Но и там в перспективе надо было строить рудник, потому что алмазы уходили далеко вглубь.

Вместе с тем начиналось строительство горно-обогатительного комбината на трубке “Юбилейной”. На всё это нужны были деньги. И Штыров не раз обращался к коллективу с просьбой подождать, не требовать полных выплат зарплат, чтобы построить все нужные объекты. Он говорил: если мы это не создадим, то вы не будете иметь работы в будущем. Были составлены графики погашения задолженности. Ситуация стала выправляться. И всюду начал строиться “Юбилейный” ГОК. Его построили. Пригласили гостей, в том числе Председателя Совета Федерации Егора Семёновича Строева. Этот самый северный в мире горно-обогатительный комбинат за Полярным кругом обошёлся компании в миллиард долларов. Причём за собственные средства. Если “Де Бирс” и, например, австралийская Аргайл строили такие крупные объекты за счёт кредитов, то тут пришлось изыскивать внутренние возможности. В том числе за счёт задержки зарплат рабочим, ибо российские банкиры были подключены к борьбе за уничтожение “АПРОСы”, ради интересов международной алмазно-бриллиантовой мафии.

На мой взгляд, есть два главных типа руководителей. Один из них берёт всё на себя, не опираясь на подобранных им специалистов, не доверяя им, задыхается, как говорится, вылезает из жил, надрывается, и результаты получаются средненькие. Другой – тоже берёт много на себя, но при этом распределяет усилия на подобранных людей, на команду единомышленников. Проверяет их спросом, порой жёсткой требовательностью, ободряет поддержкой, аккумулирует их предложения, но главным двигателем идей, стратегических планов является сам.

Именно такой руководитель Штыров. В решении огромного количества проблем, в масштабных преобразованиях закопёрщиком, как правило, был он. Но и самые ответственные направления вели вице-президенты: Зельберг, Демьянов, Матвеев, Пискунов, руководители важнейших служб и подразделений. Все вместе они занимались не только производством. Так, например, инициатором создания первого в России трудового кодекса стал Штыров. Однако детально разрабатывал его, наполняя невиданный для новой России документ нужными идеями и понятиями, Семён Ильич Зельберг. Суть кодекса сводилась к тому, что оплата осуществлялась в зависимости от успехов каждого трудового подразделения и каждого человека. Люди восприняли это довольно хорошо.

Другой факт. Вице-президент Иван Кириллович Демьянов высказал предложение ввести в компании ведомственные награды. Входящие в правление либералы от московского правительства подняли его на смех. “Он скоро предложит ввести красные штаны для поощрения”. Но президент Штыров решительно поддержал идею Демьянова. Работали упорно, подбирая наилучшие варианты, чтобы награды действительно выглядели достойно. А поскольку к ним добавлялась приличная сумма денег, звание заслуженных работников компании стали цениться очень высоко. Всё это привлекало и вдохновляло людей: они старались работать лучше.

Чтобы люди видели более надёжное будущее, команда Штырова, разумеется, при его личном участии, образовала негосударственный пенсионный фонд “Алмазная осень”. В него большие средства отчисляла “АЛРОСА”, и старость будущих пенсионеров обеспечивалась значительными деньгами.

Когда Штыров пришёл в компанию, она, можно сказать, лежала на боку. Бывший генеральный директор “Якуталмаза” Валерий Владимирович Рудаков, ставший первым президентом созданной компании, не выдержал натиска правительственно-алмазной мафии и ушёл, заявив: “С этой бандой справиться не могу!” Поставили другого президента – учёного, много знающего, но человека с характером не боевым, не жёстким. И только когда пришёл Штыров, оказалось, что вот это тот, кто нужен. За несколько лет из погибающей компании, которую вот-вот могли придавить, “АЛРОСА” стала процветающим предприятием.

Она, по задумке Штырова, что нельзя сидеть только в Якутии, включилась в добычу алмазов в Анголе, где, несмотря на военные действия и другие трудности, строили горно-обогатительный комбинат и начали добывать драгоценные камни. Правда, как говорил мне Вячеслав Анатольевич, тогдашний российский министр природных ресурсов сделал всё, чтобы не “АЛРОСА” получала выгоду от вложений, а израильский диамантер Лев Леваев.

Наряду с производственными делами компания продолжала развивать социальную сферу. Был построен прекрасный санаторий “Голубая волна” в Геленджике. В Якутии и в других местах создавались лечебницы для рабочих, строились лагеря отдыха для детей. Она развивалась на всех направлениях – и в производственном, и в экономическом, и в социальном, и в бытовом. После наводнения в Ленске стали строить жильё в городах России, в том числе в Орле, для переселения туда людей из Ленска.

Кстати говоря, наводнение в Ленске было просто жутким. Штыров уехал туда. И всё время, месяца три, по-моему, работал там как прораб. В конце концов, это была его первая основная специальность. Он окончил во Владивостоке политехнический институт по специальности инженер-строитель. Когда ещё работал на стройках алмазодобывающей отрасли, проявил себя как человек энергичный, думающий и всё время ищущий возможности работать эффективно. Именно эти качества помогли ему, собранной им команде и многотысячному коллективу превратить падающую в своё время “АЛРОСУ” в мощную, процветающую компанию мирового уровня.

Поэтому не удивительно, что, когда началась подготовка к выборам президента Республики Саха (Якутия), Штырова попросили выдвинуть свою кандидатуру. Он сначала заколебался, не очень хотел. Потом подумал и согласился.

От главы компании до главы республики

Выборы шли тяжело, ибо за власть в валютном цехе страны, а именно так в советское время называли Якутию, где добывались алмазы, много золота, серебра, включились московские олигархи. Выдвинули своих ставленников.

Якутия – самая большая по территории республика Российской Федерации. Она, я думаю, займёт половину Европы. К тому же очень богатая. Однако проблем в ней хватало.

Став президентом, Штыров начал так организовывать работу, что каждый человек знал: его спросят, отчёт его будут заслушивать. Забегая чуть-чуть вперёд, скажу, что в 2010 году по инициативе президента в республике разработали схему развития производительных сил до 2020 года. Эта схема оказалась настолько хорошо продуманной и так подготовленной, что правительство России одобрило её и рекомендовало другим регионам к изучению и применению.

Чем только не занимался Вячеслав Анатольевич в эти годы! Снос ветхого жилья, которого в Якутии было огромное количество. Вместо него в Якутске стали появляться кварталы современных многоэтажных домов. Строительство культурных объектов – театра, здания цирка. Большое внимание он уделял развитию якутской культуры и созданию памятников истории освоенного края.

Но были у него и главные задумки. Всё, о чём я раньше сказал, тоже было важным. Однако имелось ещё не менее главное. Это строительство железной дороги. Как он говорил: “Страна без дорог – чужая земля”. В Якутии единственным путём для обеспечения посёлков и городов за Полярным кругом была река Лена и её притоки. Во время так называемого северного завоза корабли развозили то, что в течение года накапливалось на складах. Когда наступали маловодные годы, приходила беда, то есть трудно было обеспечить людей всем необходимым для жизни в этих населённых пунктах. А это сотни тысяч тонн солиanky, продуктов, предметов первой необходимости и так далее.

И Штыров берётся за продолжение советского проекта – строительство дороги от БАМа к Якутску. Он подключал и федеральные структуры, находил деньги в республике. Например, когда федеральное правительство объявило, что нужно приватизировать “Якутуголь”, большую компанию, Штыров сначала воспротивился, а потом вынужден был согласиться. Только заявил, деньги от продажи “Якутугля” должны пойти в республиканский бюджет. Московские чиновники не возражали. По их расчётам, за компанию могли заплатить не более 150 миллионов долларов. Знали бы они, за сколько Штыров её продаст, ни за что бы не согласились. В бюджет республики пришли два с половиной миллиарда долларов. Часть этих денег пошла на строительство железной дороги.

Штыров привлёк в республику газовиков и нефтяников. Началось строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Дальний Восток. И здесь произошла такая история. Проектировщики, работающие по заказу “Транснефти”, проложили трассу прямо рядом с озером Байкал. Лишь чуть-чуть севернее его. Когда Штыров увидел это, он обеспокоился и возмутился. Разве можно в сейсмоопасной зоне строить нефтепровод, который мог привести к экологической катастрофе всемирного масштаба? Ведь Байкал – уникальное озеро на планете.

И Вячеслав Анатольевич начал борьбу за создание другого проекта. Он подключил тогдашнего министра обороны Сергея Иванова, говорил с президентом Путиным, объяснял ему, к чему это может привести. И надо сказать, Путин поддержал его. Нефтепровод был перенесён на 600 километров выше. И, что немаловажно, проходил по самим месторождениям. Раньше, по прежнему проекту, надо было от них тянуть нитки к нефтепроводу вниз, на юг.

Рассказывать обо всём этом можно много. Скажу, что один мой роман “Дуэль алмазных резидентов” в первом издании занимает почти 800 страниц. Но должен заметить, что, на мой взгляд, Штыров совершил одну, наверное, из немногих, но очень важную ошибку в своей жизни: он, переназначенный Путиным на второй срок президентом Якутии, отработал два года и заявил о добровольном уходе в отставку. После этого стал сенатором в Совете Федерации, где часто выступал с критическими заявлениями, замечаниями по поводу проблем Якутии и Дальнего Востока в целом.

“Достаньте ручку, Аркадий Владимирович!”

Особенно его волновало железнодорожное строительство. Огромная республика, как известно, имеет слабо развитую транспортную сеть. Река Лена “работает” в лучшем случае четыре месяца в году. Автомобильными дорогами

связана незначительная часть населённых пунктов Якутии. Надёжнее всего может быть железная дорога, которая не зависит от прихотей погоды.

И её начали строить от БАМА до Якутска. Однако то, что в Китае делается за три-четыре года, здесь растянулось на двадцать лет. Причём, когда осталось достроить небольшой участок дороги, все работы наглухо прекратились. А ведь тогдашний президент России Дмитрий Медведев клялся жителям республики в ближайшее время закончить важнейшую стройку. Однако дело замерло ещё на семь лет.

И заместитель председателя Совета Федерации Штыров начал активно “бомбить” правительство. Он требовал ответа, когда будут, наконец, выделены деньги на окончание Амуро-Якутской магистрали, от приглашённого в палату регионов министра финансов Антона Силуанова. Затем спросил вице-премьера правительства Аркадия Дворковича, тоже приехавшего к сенаторам на Большую Дмитровку, знает ли тот, сколько железных дорог строится сейчас в России? Дворкович начал называть железнодорожные обводки, подходы и другие мелкие стройки. На что Вячеслав Анатольевич заявил: “Достаньте ручку, Аркадий Владимирович, и запишите, что кроме этих обходов, подходов и прочих заходов, в Российской Федерации строится Амуро-Якутская железнодорожная магистраль. По ней выпущено два постановления правительства. Она должна была быть введена в 2013 году. Сейчас 2017 год, она не введена. На неё истрачено 47 миллиардов рублей, требуется ещё 2 миллиарда. Это как понимать? Почти 50 миллиардов “заморозили” и уже забыли, что она строится”.

Такая требовательность к правительству, а Штыров высказывал её не раз: по организации экономики, по кадровой политике, по другим стратегическим проблемам — сильно раздражала министров, вице-премьеров, администрацию президента. Выражение: “Достаньте, Аркадий, ручку...” стало насмешливым лозунгом для правительства, где оказались разного рода случайные люди. Они жужжали в уши главным властителям страны о “непочтительном поведении Штырова”.

А он как будто не замечал этого. Критиковал подписанное в 2010 году соглашение с Норвегией о передаче ей огромной акватории Баренцева моря с большими рыбными запасами, с ресурсами шельфа, предлагал занять более твёрдую позицию для отстаивания экономических интересов России в этом регионе. Публично настаивал на смене экономической политики Российской Федерации, критиковал сложившееся государственное управление, активно предлагал продолжить строительство железной дороги через Якутию до Магадана. Всё это сильно не нравилось кадрам с политической близорукостью.

Накануне очередного формирования руководства палаты никто не сомневался в том, что Штыров снова будет заместителем председателя Совета Федерации. Поздно вечером ему об этом с уверенностью сказали. А утром на пленарном заседании Валентина Матвиенко, стараясь не глядеть на Штырова, едва сохраняя выдержку, назвала другую фамилию.

Сейчас Вячеслав Анатольевич является государственным советником Республики Саха (Якутия). Я не думаю, что на этом карьере Штырова может закончиться, вернее, я не хочу так думать. Что человек такого масштаба, таких мыслительных возможностей, я уже не говорю о личных его качествах — феноменальная память, начитанность, многознание в разных отраслях, — что этот человек останется невостребованным в довольно больной России.

Недавно произошёл такой случай. В Якутию прилетела группа руководителей транснациональной золотодобывающей компании “Полюс”. Провели собрание директоров и попросились порыбачить на знаменитой Лене. За завтраком стали знакомиться с местными рыболовами, спрашивать, кто есть кто. В середине разговора встал энергичный, средних лет якут. Представился: бывший помощник Штырова. Один из директоров, американец, вдруг воскликнул: “Штыров! О, Штыров!” Отодвинул сидящего рядом переводчика, замахал руками, приглашая якута сесть рядом.

Пока тот шёл к нему, американец вдохновенно говорил, а переводчик едва успевал переводить: “Раньше я работал в руководстве “Де Бирс”. Надо ли вам говорить о могуществе этой корпорации? Мы влияли на политику целых государств и даже меняли её. Без труда поворачивали работу нужных компаний в нашу сторону. Но подчинить компанию “АЛРОСА” не смогли. Там был

Штыров – стальной человек. Идите, идите сюда! Расскажите, где он сейчас, этот негибаемый Штыров?”

Как современная Россия 30 лет живёт на том, что оставил ей Советский Союз, так и поднятая до транснационального могущества “АЛРОСА” 20 лет обогащает страну, несмотря на попытки последовавших за Штыровым руководителей то украсть у неё средства, то распродать так называемые “непрофильные активы”. От великолепного санатория “Голубая волна” в Геленджике, где отдыхали и лечились тысячи алмазодобытчиков, не осталось ни камня, ни дерева, не говоря уж о такой диковинке, как павлины.

Американскому президенту Джону Кеннеди приписывают выражение, истоки которого прослеживаются ещё в древности: “У победы – тысяча отцов. И только поражение – всегда сирота”. Сегодня к созданию и расцвету компании “АЛРОСА” причисляют себя всё больше и больше людей. И только у её бед родителей нету.

Глава 12

Смена эпох и сопротивление материала

После государственного переворота, совершённого Ельциным в октябре 1993 года, когда была ликвидирована по всей стране демократическая власть Советов, президентские сатрапы кинулись прибирать к рукам всё, что Советам принадлежало. А это было немало: санатории и дома отдыха, транспортные организации, издательства, газеты и журналы. Например, “Российская газета”, которая была газетой Советов, стала теперь правительственной.

Я ещё работал в “Известиях”, когда ко мне пришёл посланец главного редактора журнала “Народный депутат” Михаила Ивановича Пискотина и предложил перейти в журнал на должность заместителя главного редактора. Я, конечно, посмеялся и отказался. Живую, боевую газету с огромным тиражом, с большим влиянием, с нормальным языком её публикаций сменять на заскорузлый, шершавый, как старый валенок, язык этого журнала. Ну, знаете ли... Я бы даже и главным редактором не захотел там быть.

Когда “Российскую газету” захватило ельцинское правительство, главным редактором, вместо выведенного автоматчиками Валентина Логунова – сильного журналиста, человека Верховного Совета – поставили безвестную дамочку, руководившую каким-то изданием типа “Блокнота агитатора”. Я об этом уже говорил. Она заявила, что журналистской должности мне в газете нет. В ответ я сообщил ей, что работать с ней не собирался. И ушёл.

Встал вопрос, где работать? Я не особенно переживал, поскольку началась уже борьба против этой паскудной власти. А я считал, что нужно участвовать в ней. Однажды на улице встретил своего бывшего коллегу по “Известиям” Руслана Лынёва. Он сказал, что работает в журнале “Российская Федерация” (раньше он назывался “Народный депутат”), что там есть известицы, вообще приходи туда работать, будем его менять. В ноябре 1993 года я пришёл в этот журнал. Главным редактором там был Михаил Иванович Пискотин, доктор юридических наук, учёный. Он писал такие статьи, что их можно было читать только юристам. Заместителем редактора был какой-то мужик, который вскоре ушёл. И его место занял Юра Хренов, тот самый Хренов, который до меня работал в “Известиях” с Юрием Васильевичем Феофановым, будучи его заместителем. Потом он ушёл в журнал, а я, приехав из Казахстана, встал на его место.

Журнал этот я, конечно, воспринимал с зубным скрежетом. Говорил, что работать в нём и читать его надо с пистолетом у виска. Люди там были, может быть, сами по себе и неплохие, но как они писали! Это была тоска дремучая. Тусклый язык. Никакого полёта мысли, ни стили, ни яркости изложения.

А потом случилась такая штука. Я начал работать, втягиваться потихоньку, стал писать в своём стиле. Начал курировать Совет Федерации – верхнюю палату нашего парламента.

Первую Государственную Думу возглавил Иван Петрович Рыбкин, сталинградец. Однажды я встретился с ним. Поговорили. Он сказал мне: “Вы можете быть главным редактором этого журнала”. Сказать честно, мне не очень хотелось связываться с этим заскорузлым изданием. Пришёл в редакцию. Рассказал Хренову, какой разговор был с Рыбкиным. Говорю: “Юра,

если меня сделают главным редактором, заместителем будешь ты. Если тебя, заместителем буду я”. Надо было видеть лицо Хренова. Он почернел, закаменел. И я подумал: да, вот это я совершил ошибку. Человек давно рвался к власти, уже почти получил её, а тут кто-то хочет отнять.

Юра был высокий, плечистый, видный мужчина. Надеин про него говорил: “Это тот, который длинный такой, глупый?” Как оказалось, Юрка далеко не глупый человек был. Он ничего мне не ответил на мои предложения, но вскоре началась возня. Стал по одному обрабатывать сотрудников журнала, а народу было прилично: человек двадцать, и плести против меня паутину. Мне было до лампочки: я не хотел быть ни замом, ни главным. Для меня важно было писать. Но, конечно, чтобы при этом иметь издание, которое уважаешь и которое уважают люди.

Через некоторое время Пискотин ушёл, и главным редактором стал Хренов. Это то, к чему он стремился все последние годы. И вообще он всё время тянулся к власти, рвался к ней.

Потихоньку, понемногу стал меняться кадровый состав журнала. Бывший сотрудник “Правды” Александр Николаевич Платошкин, который уже работал в журнале, встретил Черняка, заместителя главного редактора “Правды”, и пригласил его в наш журнал. Причём Платошкин сначала работал в пресс-службе Государственной Думы. Ему сказал руководитель пресс-службы Виктор Черёмухин, что вот в этот журнал новый главный редактор Хренов набирает кадры. Платошкин пришёл. И, как я сказал, потом он привёл Черняка на должность заместителя главного редактора журнала.

Там работал уже, как я говорил, Руслан Александрович Лынёв, наш известинец. И я из “Известий”. Через некоторое время пришёл на должность ответственного секретаря Николай Иванович Ефимов, бывший главный редактор “Известий”, экс-министр по делам печати. Вот так коллектив стал обновляться. Хотя журнал ещё был далёк от того, чего хотелось бы. Тем не менее позиции его стали ясно проявляться как антиельцинские. Это было нам нетрудно делать, хотя, надо сказать, журнал считался журналом Правительства Российской Федерации. И название у него теперь было не “Народный депутат”, а “Российская Федерация”.

Показывать гнусность ельцинской власти было не так и трудно. Первый состав Совета Федерации был избран ещё на демократической основе. В него вошли люди, критически относящиеся к ельцинизму. Причём большое число членов Совета Федерации были руководители регионов: губернаторы и председатели законодательных собраний. Кроме того, некоторые избирались как депутаты от народа. И мы стали показывать, что происходит в стране.

Юрий Хренов, всё ещё не забыв вроде бы мою попытку стать заместителем главного, хотя я ему говорил, что мне это не нужно, продолжал относиться ко мне настороженно. И хотя я был редактором ведущего отдела, Хренов боялся вводить меня в состав редколлегии. Прошло немало времени, прежде чем он понял, что я не из тех, кто держит камень за пазухой.

Тем не менее я коллегам говорил: “Наше счастье, что нас не читают руководители правительства и в администрации Ельцина. Прочитают – сразу закроют”.

Первое поражение Чубайса

Вскоре мои слова стали сбываться. Через какое-то время Хренова вызывает Чубайс – он был тогда первый вице-премьер правительства. Говорит: “Вы издаёте антиправительственный, антипрезидентский журнал. Пишите заявление об увольнении по собственному желанию”. И тут я впервые увидел Хренова как борца не только за свою власть. Он сказал: “Я писать заявление не буду. Если вы считаете нужным меня снимать, снимайте, но я поставлю в известность коллектив”. Он пришёл, собрал всех нас, рассказал. Я в это время, как уже было сказано, руководил отделом по работе Совета Федерации. Высказал идею: а не попробовать ли нам снова вернуться под крыло парламента? По-моему, такую же мысль высказал и Черняк. Все дружно согласились.

Я пришёл в Совет Федерации, где у меня было много знакомых сенаторов. Из них подавляющее большинство были в оппозиции к ельцинскому режиму. Не зря их называли: губернаторы и законодатели “красного пояса”. К нему относилась Центральная часть России, Урал, Сибирь.

У меня были хорошие отношения с председателем Заксобрания Новосибирской области Анатолием Павловичем Сычёвым. Я делал интервью с ним, давал его замечания о политике страны. Я знал его позицию. Говорю ему: Чубайс собирается нас закрыть, а мы хотели бы вернуться в парламентское лонно, поскольку у парламента нет своего журнала. Он отвечает: правильно. А что надо сделать? Говорю: Вы должны выступить на пленарном заседании и обратиться к Строеву, чтобы он сказал об этом Ельцину. Чтобы было легче, я Вам напишу. И я ему написал короткое выступление. Он с ним выступил. Кроме того, я переговорил на ту же тему с Александром Александровичем Суриковым, губернатором Алтайского края – тоже красный губернатор был; с Любимовым Вячеславом Николаевичем, губернатором Рязанской области. Они также выступили с обращениями к Е. С. Строеву.

Одновременно Александр Викентьевич Черняк встретился с новым председателем Государственной Думы, бывшим главным редактором “Правды”, Геннадием Николаевичем Селезнёвым. Тот тоже обратился к Ельцину. И к большому неудовольствию Чубайса, просто к ярости его, было принято решение сделать учредителями журнала Совет Федерации и Госдуму.

Но Чубайс ещё надеялся, что он это дело затормозит. Он сказал: “Мы не отдадим вам название “Российская Федерация”. Но мы и тут обошли Чубайса. Решили приписать к названию маленькими буквами слово “сегодня”. Так появился журнал “Российская Федерация сегодня”.

Однако он был ещё по-прежнему деревянно-жёванный. Хренов, став после Пискотина во главе издания, был, можно сказать, ещё в детских пелёнках как редактор. Он же никогда не руководил ничем, ничего не вёл. А тут надо было менять многое. И это зависело, прежде всего, от кадров.

Я сейчас, готовя эту часть, переговорил с некоторыми моими тогдашними коллегами, как они воспринимали этот журнал.

Александр Викентьевич Черняк был заместителем главного редактора “Правды”. Он боготворил и боготворит главного редактора Виктора Григорьевича Афанасьева. Кстати говоря, я о нём упоминал в одной из глав, когда он тоже принял участие в моей судьбе. Но в “Правде” начали создаваться уже разные редакции, и Черняк ушёл к нам.

Я его спросил сейчас: “Как твоё было первое впечатление?” – Он говорит: “У меня было впечатление, что я попал на другую планету”. – “Как это?” – “Представляешь, ты – после “Известий”, я – после “Правды”, газеты могучие, с огромными тиражами, естественно, с нормальным языком, со стилем, с проблемами. И вдруг эта затхлая бумажная тряпка какая-то”.

Черняк появился в журнале в конце 1995 года. Потом пришёл Николай Иванович Ефимов. О нём я уже не раз говорил. Более или менее подробно написал о нём в романе “Крик совы перед концом сезона” как о человеке хорошо, деликатном, культурном, вежливом, но слабохарактерном. Может быть, в другой обстановке он проявлял характер, но в этих волчьих схватках не смог удержать редакцию. Перед концом Союза он был министром по делам печати. А когда развалился Союз и всё кругом советское рухнуло, Николай Иванович пошёл работать в какую-то частную газету, название которой он сейчас даже не помнит. Оттуда перешёл в получастный журнал. Из того журнала пришёл к нам, немного поработал и ушел в “Независимую газету” к Третьякову. Говорит: мне нужно было заработать денег на квартиру. Проработав в “Независимой газете”, Николай Иванович снова вернулся к нам.

Я его спросил: “Что Вы запомнили о том журнале?”

Н. И. Ефимов: “Это была тихая заводь. Тихо жили. Не спорили особенно. Второе впечатление такое: не было сильных авторов, имён, которые бы привлекали к себе, знающих специалистов, тех, что могли бы депутатов поучить уму-разуму. Что касается “тихой заводи”, моё мнение было такое: нужны были разные точки зрения, споры, дискуссии. А второе – имена. Я привлёк сразу Юлия Квицинского, который потом стал, кстати, депутатом Госдумы. Он был послом в ФРГ, послом в Норвегии, а главное – был одним из важных переговорщиков по ядерному разоружению с американцами.

Дальше привлекли Георгия Марковича Корниенко. Он американист от Бога, был заместителем министра иностранных дел Советского Союза Громыко. Американцы жаловались на него Горбачёву, что с ним трудно вести переговоры. Конечно, трудно. Он защищал свои национальные интересы, не уступал. Горбачёв решил, что раз американцам трудно с ним вести переговоры, его нужно убрать из МИДа.

Георгий Маркович жил на Малой Бронной. Я к нему ходил домой. Пили кофе, обсуждали очередную тему. Писал, как бог. Он у нас раз шесть-семь выступал на очень актуальные темы.

Затем привлёк Анатолия Громыко. Это сын, кстати, Андрея Андреевича Громыко. Он был директором Института Африки Академии наук. Тоже пишущий человек. Знал Африку, международную проблематику хорошо.

Привлекли, и я считаю это своей заслугой, Павла Владимировича Бахара. Он написал потрясающий материал. Я не помню сейчас объём, то ли четыре полосы в журнале, но минимум три. Очень большая. Хренов сначала не хотел печатать её. Потом согласился. В результате мы первые сказали, что такое информационная война, что она уже наступает и что нужно предпринимать. Это было потрясающе. Он по полочкам разложил, что такое информационная “бомба”, информационный заряд и тому подобное. Когда мы напечатали, нам позвонили из ФСБ и сказали: ребята, вы продолжайте, это очень важная тема. У нас её никто не понимает. Даже наверху. Её надо развивать. Это был год, по-моему, 1996-й.

Мне удалось привлечь Ржешевского. Олег Александрович Ржешевский, его нет уже в живых, был вице-президентом международной ассоциации историков Второй мировой войны и председателем нашей российской ассоциации. С его помощью мы и других историков привлекали. Но он и сам у нас выступал не раз.

Привлекли Горева, генерала армии, президента Военной академии. Мужик он был очень смелый и отчаянный, хорошо писал. От Анатолия Фёдоровича Добрынина я получил рукопись его будущей книги. Я сделал из неё три куска, в трёх номерах мы напечатали потрясающие вещи из этой книги”.

Николай Иванович Ефимов стал заместителем главного редактора, ответственным секретарём. Так что “правящая верхушка” уже как бы сформировалась.

У нас не было непишущих ни вверху, ни внизу. Каждый приносил пользу журналу. Каждый искал важных, нужных авторов. Привлекал интересных, масштабных авторов и Александр Викентьевич Черняк. Например, громко аукнулась на разных этажах власти, да и у читателей вообще его беседа с Валентином Фалиным под заголовком “Немыслимая”. Именно так назывался план Соединённых Штатов Америки о начале войны с нашей страной после победы Советского Союза над Германией. И Фалин подробно рассказывал детали этой немыслимой затеи. Он первый об этом сказал, а потом стали в других изданиях повторять.

Черняк много сам писал на темы разграбления российских богатств – леса, золота. С самого начала он курировал тему Союзного государства. И до конца, сколько работал, он столько писал об этом. Мы тоже выезжали в Белоруссию, и я в том числе, писали о союзном государстве. Но отвечал за это направление Александр Викентьевич.

Второе нашествие на журнал

Мы начали потихоньку выправлять журнал не только в сторону представительства разных фракций, но и более жёсткой критики власти. До нас доходили сведения, что власть всё чаще высказывала недовольство линией и политикой журнала. Да и в руководстве палат хмурились, читая некоторые наши публикации. Постепенно журнал становился, скажем так, боевым. Мы делали его таким, что не стыдно было брать в руки. К нам приходили и выступали в нашем журнале послы разных стран, дипломаты разных уровней. В какой журнал они придут? В какое издание? Ясно, что приходили, зная, что это парламентское издание, здесь их мысли, их информация будет доступна для тех, кто принимает решения. У нас выступало много крупных учёных. Причём таких, которых в другие издания не могли заманить, а к нам они шли сами.

Ельцинскую власть не за что было любить. Её можно было только, мягко говоря, не любить, а если правильнее – ненавидеть. И поэтому мы давали соответствующие материалы, что вызывало, кстати говоря, некоторую неприязнь в палатах. Егор Семёнович Строев, этот мудрый, дальновидный политик, в связи с очередной реорганизацией палаты и новым принципом её формирования вынужден был уйти.

Во главе Совета Федерации встал Сергей Михайлович Миронов. Надо сказать, что президентская власть сделала несколько реорганизаций Совета Федерации. Ну, Госдума – по партийным спискам. Первый состав Совета Федерации – его депутаты, избирались народом. Второй состав – губернаторы и председатели законодательных собраний.

Это был самый сильный на тот момент и самостоятельный орган власти. Руководители регионов в Совете Федерации часто оспаривали предложения Ельцина. Достаточно вспомнить, что тогдашний Совет Федерации трижды отклонял просьбу Ельцина дать согласие на увольнение генерального прокурора России Юрия Скуратова, который расследовал коррупционные дела президентского окружения. И только благодаря подлой видеосъёмке, где якобы Скуратова сняли в обществе проститутки, Ельцину удалось добиться своего.

Такой некарманный орган власти не устраивал и Путина. Была проведена очередная реорганизация. Теперь в Совет Федерации пришли представители региональных руководителей. Зависимые от своих патронов, которые сами, в свою очередь, становились всё более зависимыми от Кремля, эти “сенаторы” могли в любой момент быть отозваны без объяснения причин.

Я знал случай, когда представителя губернатор убирал просто по прихоти своей, по капризу. То ли тот его плохо встретил, то ли кто-то что-то сказал о представителе. Но были случаи, когда место в Совете Федерации продавалось, и представителя, естественно, убирали. И об этом шёл всюду разговор везде, даже в газетах писали, сколько стоит место сенатора, сколько стоит место депутата в Госдуме. Такое положение, конечно, было нетерпимо.

Тем не менее над журналом опять нависла угроза. А угроза такая: надо снять главного редактора, поставить другого, и курс изменится. В далёкой перспективе так и произошло. У Хренова наступил, по-моему, пенсионный возраст. И инициатива шла от Миронова. Его подталкивали и некоторые сенаторы. Но мы подняли волну в Совете Федерации против смены главного редактора, подключились депутаты Госдумы, и Миронов оставил нас в покое. Хренов остался главным редактором. Он уже набирал опыт, стал себя показывать умелым руководителем.

Должность главного редактора – это тяжёлое дело, тяжёлый пост. Как говорит Черняк, он между молотом и наковальней. Молот – это власть, а наковальня – это трудовой коллектив. То есть и там надо быть умелым политиком, чтобы не сорваться, и внизу тоже быть уважаемым человеком. Хренов понял это дело. Правда, одна черта – занудство и бесконечность длинных речей – осталась у него навсегда. Когда заседания редколлегии вёл Лынёв, они проходили быстро.

Руслан был одарённый человек, очень способный как журналист, но крайне нервный, можно сказать, с изломанным характером. При вспышке гнева мог бросить на пол телефонный аппарат, толкнуть стул так, что он с грохотом падал, однако объяснялся коротко, без длинных речей. Хренов же как заведёт “песню слов”, хоть засыпай. Я терпеть этого не мог и всячески старался сбить его с этой монотонности.

Но это было, скажем так, один из не самых главных недостатков Хренова. Главным, конечно, было то, что он любил власть и понимал, что власть конвертируется в деньги. Кстати говоря, когда он купил какое-то приличное жильё в Турции, я ему говорю: “Юра, ты опрометчиво поступил. Турки национализуют это всё, и привет”. – “Да что ты, старик, разве это можно? Нет, там демократическая страна, там законы действуют”.

Короче говоря, второй раз мы отстояли журнал. И он становился всё более и более острым. Причём не только, скажем, по публикациям, но и по проблемам. Мне не раз говорили члены Совета Федерации: “Вячеслав Иванович, Вы пишете то, что вчера власть сказала”. – “Это вчера власть сказала о том, что мы написали два месяца назад”. То есть мы уже не раз улавливали, что наши публикации формируют мнение и позицию депутатов Госдумы и членов Совета Федерации.

Не только о проблемах

Мы первые придумали такую форму, как тема номера. Причём, очень интересно её давали. Была заглавная статья кого-то – или авторов, или нашего журналиста. Потом на эту тему рассуждали члены Совета Федерации и депутаты Госдумы. И не раз были интересные результаты и отклики.

Скажем, регулярно у нас шла тема – в других изданиях её мало касались – тема местного самоуправления. Этот разговор, думаю, интересен для определённого круга читателей. А вот то, что привлекало всех, – это другие наши задумки. Во-первых, мы писали заметки под рубрикой “Политики вне политики”. Писала Татьяна Зима. Там интересные были всякие вещи, расспрашивала она, не очень оглядываясь на авторитеты, и задавала иногда вопросы весьма и весьма острые и колкие.

Но особенно интересной стала наша задумка под названием “Неожиданный ракурс”. Всю последнюю обложку занимала фотография известного человека. Но снятого в неожиданной ситуации. Скажем, дали фото Юрия Лужкова в поварском колпаке, в фартуке, с большим половником. И две женщины-поварихи рядом с ним что-то наливают или накладывают. Причём, как всегда, около власти вертятся разные клеветы, и вот кому-то из них показалось, что женщины без трусов.

Хренову звонят и говорят: “Ну, что же вы так опозорили Юрия Михайловича, он стоит, а рядом женщины без трусов, а у него жена есть”. Хренов приуныл, потускнел. А вышел этот номер накануне Дня Москвы. А Москва накануне этого дня давала деньги, чтобы можно было хорошо жить. Мы, кстати говоря, неплохо зарабатывали, потому что ввели рубрику “Регион крупным планом”. Я сам несколько регионов делал. Это было на так называемой возмездной основе. Так вот клеветы Хренова огорчили, он сидел тусклый. Но кто-то из наших подсказал одному из близких людей Лужкова: спросите, а как он воспринял фотографию? Спросили. Юрий Михайлович вскричал: “Ой, какая отличная фотография! Спасибо журналу, так здорово сделано!” Все эти клеветы заткнулись и отвалились.

Помню, была фотография, на которой Валентина Александровна Петренко доит козу. Конечно, необычный ракурс. Сенатор, известнейшая женщина, в своё время оставшаяся в заложницах у террористов ради спасения детей-заложников и получившая за это боевую награду, она по сей день отдаёт себя заботе о детях, возглавляя движение “Матери России”. Не зря её называют “Главной мамой России”. И вот вам – мама доит козу!

Или такой пример. Во всю страницу фотография, на которой министр финансов Кудрин Алексей Леонидович играет на барабанах. И одна, на мой взгляд, из самых интересных и небезобидных фотографий была дана сразу на двух обложках журнала. На первой – сидят на качелях лидеры трёх парламентских фракций: Г. Зюганов, С. Миронов, В. Жириновский. А на последней – в развилке большого дерева сидит В. Путин. В летней полувоенной форме, в панаме и смотрит как бы на первую обложку. Мы дали подпись: “Мне сверху видно всё”.

И вот эти фотографии настолько были интересны, что я предложил их наклеить на картон. Получились картинки. Мы их развесили в коридоре нашего четвёртого этажа. И люди, которые шли к нам, порой долго не приходили в кабинет к тому человеку, к которому направлялись. Не могли оторваться от фотографий, делавших журнал ещё более привлекательным.

Однако всё же главное было не только в этом, а в том, что я назвал “сопротивлением материала”.

Последний наезд на журнал

Наше парламентское издание становилось всё более популярным. Как нам говорили, парламент имеет самую низкую репутацию, а считаешь ваш журнал, можно подумать, что он – главная власть в стране.

Привлекал журнал и новые кадры. В конце поганых 90-х, которые некоторые ельцинские огрызки называют лихими, в журнал пришёл Александр Прокопьевич Кузнецов. Судьба его была типична для многих из тех, кто надеялся на освежающий ветер демократической экономики, а вляпался в рыночный навоз. Я описал двоих таких людей в повести “Разговор по душам с товарищем Сталиным”. Саша – сын учителей. Отец – преподаватель физики, который потом стал директором школы, мать – учительница математики, причём мощная учительница. Но, как он говорит, ни отец, ни мать его не натаскивали на свои науки. Скорее всего, сама атмосфера семьи, атмосфера дана подтолкнула его и направляла его к тому, что он рано стал заниматься математикой и физикой. Родился он в Смоленской области, потом родители переехали в Московскую

область. А в седьмом классе он увидел объявление о том, что заочная физико-техническая школа при МФТИ, что в Долгопрудном, принимает учеников, для поступления предлагалось решить определённый набор задач. Саша выполнил, послал. Его приняли в ЗФТШ. И с этого момента у него началась, скажем так, физико-математическая жизнь.

Он настолько сильно увлёкся физикой и математикой, что даже был послан от Московской области в Киев на Всесоюзную математическую олимпиаду. Подвигов не совершил, тем не менее само участие уже о многом говорило. Естественно, после школы он выбрал Московский физтех.

После института Кузнецова распределили в соответствии с его желанием в один из НИИ, имеющий отношение к судостроительной промышленности. Отработав там шесть лет, Саша совершил невероятный переход из учёного в журналистику. В это время в обществе “Знание” образовались две газеты – “Аргументы и факты” и “НТР: проблемы и решения”. Вот во вторую газету Кузнецов пошёл работать журналистом, хотя до этого, конечно, он журналистикой не занимался. Там он тоже некоторое время поработал и перешёл в журнал “Техника и наука” редактором отдела.

После чего некоторое время участвовал в бизнесе. Предпринимательство не сложилось, и Кузнецов снова вернулся в журналистику. Стал работать в журнале “Инженер”. А в 1999 году пришёл к нам. Пришёл уже довольно опытным специалистом в работе с компьютерными технологиями и созданием локальных сетей. Пришёл к нам очень нужный человек. У всех у нас были компьютеры. Но были мы, как котятка: печатаем, печатаем, что-то случилось – ой, с кем посоветоваться? Бросались узнавать, обращались друг к другу, к тем, кто хоть чуть-чуть разбирается... Наши разрозненные компьютеры он соединил в единую сеть, установил в приёмной главного редактора большой принтер, где все могли печатать свои материалы. В случае поломки разбирал компьютер и менял его внутренности. Вот так нужный человек оказался в нужном месте.

Пробовал он и писать. Иногда более удачно, иногда менее. Одна из его работ – одна из самых больших и стратегически важных работ – касалась заключения договора СНВ-3, то есть договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. Александр изучал иностранные источники – книги и публикации в прессе, встречался со своими коллегами ещё по институту, работавшими в близкой к теме сфере. С другими экспертами из научной и военной среды он познакомился в ходе обсуждений, проводимых в Думе. И постепенно стало понятно, что американцы нас облапошили. Они призывали нас сократить количество ракет, а сами вовсю развивали противоракетную оборону. Вот на эту тему он и написал статью.

Она оказалась настолько “не ко двору”, что её, уже набранную, выбросили из “Независимой газеты”. Не прошла она и в нашем журнале, тем не менее её выставили на сайте “РФ сегодня”. И хотя ущербный для России договор уже был заключён, идеи статьи стали тиражироваться.

В феврале 2002 года к нам пришла Лида Сычёва. Она до этого работала в “Отраслевой газете”. Я её тоже спросил, какво у неё было первое впечатление о журнале и что привело её сюда. Она говорит, что, во-первых, её автор Артём Ермаков как-то принёс журнал “Российская Федерация сегодня” и сказал: “Посмотри, интересный журнал”. Она его почитала. Ну, дама она такая скептическая, тем не менее решила пойти туда, потому что издание, где работала, было насквозь “голубое”.

Пришла. Вошла в кабинет к Хренову. И тут она, по её словам, впервые услышала от журналиста длинный, занудный монолог. Лида собралась было уже уйти. Но журнал-то вроде неплохой! Однако на всякий случай заявила Хренову, что ушла из предыдущего издания из-за нехватки времени для писательского творчества. У неё уже были опубликованы художественные произведения.

Перед тем она училась в Литинституте. Группа единомышленников, где Лидия играла заметную роль, создала интернет-журнал. Сычёва стала его главным редактором. Журнал называли “Молоко”. Имели ввиду: “Молодое око”. Но произносилось-то и писалось, как “Молоко”. Отсюда, я думаю, у многих пишущих возникло несказанное удивление, когда их обещали напечатать в журнале “Молоко”. Причём здесь молочная продукция, поразились они. У нас речь совсем о другом. Поэтому я, когда что-то касается этого журнала, пишу: “Мол. Око”.

Вообще-то я считаю, что учиться в творческих институтах — дело не очень нужное. Если есть божий дар, если есть талант, то он без всяких институтов выйдет наружу. Да, институты помогают образованию, расширяют базу познавательную у студента. Но чтобы неумелого научить хорошо писать — это вряд ли можно. Я работал в Ярославле, когда меня сослали на радио, был такой у нас Лёва Бутырин. Он закончил Литинститут. Но был абсолютно беспомощный как журналист. А ничего литературного я не читал, и он мне не давал читать. Больше того, когда мы сидели в компании коллег, и я начинал рассказывать историю “Гасителя”, у него загорались глаза. Он был очень спокойный, равнодушный, медлительный, немного похожий на немецкого бюргера. Слушая меня, Лёва говорил: “Слава, это же повесть! Хорошая тема для повести!” Я смеялся: “Лёва, у меня этих тем, как вшей у тифозника в голове”.

А вот, скажем, когда я на практике был в Бурятии в республиканской газете, там я увидел парня, который работал в промышленном отделе. Мне говорили: посмотри, какие он сдаёт тексты, с какими грамматическими ошибками. Потом я сам увидел их. Но зато какие это были тексты по идее, по языку! Это был вообще талантище! И ни в каком творческом институте парень не учился. Имел техническое образование.

После того, как Лида сказала Хренову, что пришла в журнал, чтобы иметь время для литературной работы, он воодушевился, оживился. Тогда она ещё не знала, что Юрий Алексеевич пишет стихи. Кстати говоря, стихи Хренова, как потом мы узнали, были очень даже неплохие. И именно он сочинял многие подписи к снимкам под рубрикой “Неожиданный ракурс”. Короче говоря, он сказал: “Идите к моему первому заместителю Руслану Александровичу Лынёву”. Лида подошла к двери, на которой была написана фамилия Лынёва. Постучала. Оттуда голос: “Входите”. Лида вошла и остолбенела. В кабинете на каком-то тренажёре вниз головой висел мужчина, причём не в спортивном костюме, а в тройке, с галстуком. Увидев Лиду, он слез с этого тренажёра, сел на своё кресло. Кстати говоря, в его кабинете были диваны и кресла ещё сталинской эпохи, кожаные.

Начали говорить. И тут она, по её словам, услышала нормальную речь. Потом Руслан ей сказал: “Идите к Александру Викентьевичу Черняку и переговорите с ним. У нас коллегиальное руководство”. Вот так она стала у нас работать.

Надо сказать, что это было приобретение. Поначалу нам, и мне лично, приходилось её править. Но в целом она быстро совершенствовалась, набирала опыт и становилась классной журналисткой.

Она много писала о культуре, о школе и её проблемах. Но вместе с тем у неё были публикации очень масштабные. Например, статья под названием “Третья беда”. Это о бюрократии. Факты были убийственные. Если в 1999 году в России было 1 148 тысяч чиновников, то через 10 лет их стало на миллион больше. Плодятся, как тараканы. В процентном отношении мы обогнали Китай. А сравнивать с советским периодом просто бессмысленно. При Брежневе один чиновник был на 253 человека, а в 2009 году, когда создавалась эта статья, один чиновник уже был на 68 человек. Интересно, на сколько кормильцев сегодня один чиновник.

Реакция на эту публикацию была, так скажем, только внизу. Когда люди прочитали, сколько стало чиновничества, как оно бурно растёт, возмущение, конечно, было большое. К сожалению, рост чиновничества в Российской Федерации продолжается безостановочно. Власти то и дело говорят о сокращении аппаратов, о наведении порядка в этом деле, но дальше слов, как часто бывает, дело не идёт. Сейчас их почти 2,5 миллиона человек, чиновников.

В 2020 году планировалось сократить значительную часть. Пока этого не произошло. Но благодаря сокращению должно было быть высвобождено 100 миллиардов рублей. И что вы думаете, эти деньги пойдут в экономику, на строительство дорог, детских садов, яслей? Нет. Они были запланированы, эти 100 миллиардов рублей, на повышение зарплат тем, кто остался в этой братии.

Вторая статья Лиды Сычёвой “Нары, Канары и Господь Бог” наделала не только много шума, но и дотянулась во времени чуть ли не до нынешней поры. Речь там шла о коррупции и о том, что места во властных креслах продаются — в Совете Федерации, в Государственной Думе, в региональных

парламентах, в губернаторских кабинетах. В статье были приведены цифры, которые обнародовал либеральный клуб партии “Единая Россия”.

“Глава районной администрации в Дагестане – 150 тысяч долларов, глава УВД в одном из столичных округов – не менее 400 тысяч долларов. Депутат Госдумы – от 30 до 120 миллионов рублей, член Совета Федерации, губернатор субъекта Федерации – от 5 до 7 миллионов евро. Министр в региональном правительстве – 500 тысяч долларов. Депутат регионального Заксобрания – 6 миллионов рублей”.

Разумеется, это далеко не полная картина гниения власти на всех её этапах. Но и этих немногих цифр достаточно для того, чтобы понять: власть в России дискредитирована, и трудно верить в её порядочность. Можно предположить: после таких публикаций, если и были у журнала друзья, то лишь из порядочных парламентариев и рядовых читателей. Остальная публика в евро, в долларах и в рублях готова была, вообще говоря, нас разорвать.

Но вернёмся к журналу.

Лида привела несколько человек. Прежде всего Вячеслава Румянцева. Он потом стал работать у меня в отделе. Нормальный парень. Не слишком, конечно, опытный как журналист, зато очень сильный историк. У него сайт есть, называется “Хронос”. Там можно очень многое почерпнуть о нашей отечественной истории.

Но я, по сути дела, ничего не сказал о своей работе в журнале. А её было немало. Журнал выходил два раза в месяц. И в каждом номере должен был присутствовать Совет Федерации. Я делал интервью, правил статьи сенаторов, а зачастую писал за них, придумывал им заголовки. Скажем, много шума наделала статья члена Совета Федерации от Якутии Александра Сафроновича Матвеева под названием “Страсти по золотому унитазу”. В ней речь шла о коррупции, о разрастающемся воровстве, о безнаказанности, о том, что не только олигархи, которые яхты делают размером с линкор, но и чиновники, купающиеся в роскоши, хотят её ещё больше. А это всё вызывает ярость народа.

Были заметные и лично мои публикации. Я же не мог только замкнуться на работе Верхней палаты. Целый ряд статей произвели немалый эффект. Например, статья “Победит ли в России диктатура Закона диктатуру Коррупции”. Я опубликовал её в 2008 году. Уже сам заголовок говорит о сути этой публикации. Коррупция разрасталась, как раковая опухоль. И разговоры о борьбе с ней только шли, но в основном снизу. Время от времени об этом заговаривали депутаты, время от времени первые лица государства говорили, что надо бороться. Но как доходило дело до принятия закона, сразу появлялись какие-то сдерживающие начала. “Как это можно конфисковать имущество коррупционера? Семья, дети останутся без ничего”. И это у ворюг, укравших миллиарды! “Где права человека? Почему родственники должны писать декларации?” А самая распространённая отмазка ворья была такая: что вы призываете бороться с коррупцией? Она во всём мире неистребима!

Я писал и говорил на этот счёт так. Да, коррупция есть везде, даже в тех странах, которые стоят впереди списка как чистые государства. Но одно дело – два таракана на десятиэтажный дом, а другое – десять тысяч тараканов на однокомнатную квартиру. Разница есть?

Или вот такая публикация. “Остановит ли государство войну торговых баронов против народа?” Речь была о том, что мы – одна из немногих, наверное, цивилизованных стран, где не существует законов, ограничивающих алчность торговых сетей. Везде есть законы, которые устанавливают процент наценки на товары, чтобы обуздать эту алчную публику. Только у нас такого нет.

Вызвала бурную реакцию моя статья под названием “Честь имеют?” Поводом стала ситуация в Перми, где сгорело развлекательное заведение “Хромая лошадь”, погибли десятки людей. И, по сути дела, никто за это не ответил. Но я поглядел шире. А кто губернатор Пермской области, впоследствии Пермского края? Некто Олег Чиркунов. Это бывший сотрудник КГБ, а Путин, особенно в первые годы, ориентировался на эту публику в назначениях во власть.

Семья у него жила в Швейцарии, сам он тоже имел там интересы. И при этом был руководителем одной из важнейших в оборонном смысле областей России. Но лишь только идиот не понимает, что те, кто имеют собственность в любой другой стране, кроме нашей, находятся “на крючке” у тамошних

спецслужб. Очень легко их нагнуть к сотрудничеству, ибо можно и собственность отнять, и налогами задушить, и прочее.

Так вот этот человек ни в какую отставку не ушёл. А я приводил пример, что министр обороны ФРГ ушёл в отставку из-за того, что в Афганистане немецкий самолёт по ошибке разбомбил семью мирных жителей и, хотя это случилось до его прихода на пост министра обороны, он счёл невозможным оставаться во власти. А у нас, как говорят в народе (скажу покультурнее): хоть плюй в глаза – всё божья роса. А почему? Потому что нет требовательности с самого верха.

И вот эти наши “деятели” сидят и продолжают руководить. Гибнут люди. Рушатся предприятия. А они остаются.

Один из героев этой публикации – генерал Борис Всеволодович Громов. Я рассказывал в одной из предыдущих глав о его гражданской позиции, когда он не принял участия в разгроме демократически избранного парламента России. Да, это поступок, достойный поддержки и одобрения. Но прошли годы. Он стал губернатором Московской области. И вот тут он показал себя далеко не с лучшей стороны.

Под его крылом несколько лет работал министр финансов областного правительства некто Кузнецов, который вместе с женой (гражданкой США) бешено разворовывал область. Украла на многие миллиарды рублей собственности, деньги украли и сбежали. Сначала она, а потом он. И как же это так? Дела министра, работавшего можно сказать, за стенкой у губернатора, были неизвестны руководителю области? Громов не знал, чем он занимается? Ну, тогда это не что иное, как профнепригодность.

Также я упоминал там министра внутренних дел Рашида Нургалиева. Люди некоторые говорили, что он очень хороший человек, он такой добрый. Я отвечал, что хороший человек – это не профессия. А состояние Министерства внутренних дел, коррупция, нарушение законов, безобразия – всё это кем должно пресекаться? Министром. Причём пресекаться должно жёстко, а порой даже жестоко. Тем не менее, несмотря на все эти безобразия, Нургалиев ещё продолжал сидеть в кресле министра. Правда, потом он ушёл. И стал советником у Путина. И Громова, хоть далеко не сразу, но “ушли”.

Немного подробнее я хотел бы сказать о статье под названием “Господин хозяин и гражданин батрак”, у которой подзаголовок такой “Почему за катастрофы на частных предприятиях отвечают не их собственники, а рядовые налогоплательщики?”

Статья у меня начиналась так: “В те дни, когда на шахте “Распадская” в Кузбассе глубоко под землёй после взрывов полыхал пожар, а на поверхности бушевали страсти обездоленных шахтёров, я увидел в магазинчике Совета Федерации книгу двух английских авторов. Называлась она “Лондонград. Из России с наличными” с подзаголовком “История олигархов из первых рук”. Поскольку в связи с трагедией пресса всё чаще упоминала одного из владельцев шахты Абрамовича, а среди героев книги тоже был он, мне показалось интересным узнать, как соотносятся жизни господина хозяина и тех, кто на него работает.

Надо сказать, книга читается влёт. И любопытна она не только циничной откровенностью о нравах нынешних российских сверхбогачей, стремительно, всего лишь за несколько лет с 2000 года обосновавшихся в столице Англии и создавших там огромную колонию, по некоторым сведениям, до 300 тысяч человек, сколько тем, как живут олигархи и как живут те, кто на них работают.

Одной из причин возмущения шахтёров, перекрывших железнодорожную магистраль и встретивших ОМОН камнями, стали слова другого собственника шахты о том, что рабочие много получают. Приехавший мгновенно на место аварии губернатор Кемеровской области Аман Тулеев заявил: частично оправданы эти волнения, во всяком случае, собственникам шахты не надо было орать о том, что шахтёры большие зарплаты получают. Они в среднем маленькие. В местной прессе приводились разные цифры: от 20 тысяч рублей до 25 тысяч. Если взять зарплаты шахтёров, скажем, в ФРГ, то они в 10 раз больше. При этом ещё девяти менеджерам ПАО “Распадская” в 2008 году выплаты выплатили по миллиону.

Но при этом авторы книги приводят такой факт. Однажды днём Роман Абрамович, находившийся в Баку в Азербайджане, сказал помощнику, что хочет суши на обед. Тот заказал за 1200 фунтов суши в самом фешенебельном

ресторане Лондона. Это блюдо на лимузине доставили в аэропорт, и частный самолёт, пролетев три тысячи миль, доставил суши прямо к обеду Абрамовичу в Азербайджан. Заказ обошёлся в 40 тысяч фунтов, что является самой дорогой доставкой обеда в мире, пишут авторы. Это при том, что шахтёры получают 20–25 тысяч рублей. Потом подсчитали, что один этот обед Абрамовича равен зарплате 90 человек за месяц.

Но мало такой жадности. Она проявилась ещё и в другом. В первый же рабочий день директор шахты Геннадий Козовой написал письмо премьеру Путину. Он писал: “В связи с аварией, произошедшей на ОАО “Распадская” 8 мая 2010 года, предприятию причинён значительный материальный ущерб. Убытки, связанные с последствиями аварии, по предварительным подсчётам, составляют 6 млрд рублей. Убедительно прошу Вас рассмотреть вопрос о частичной компенсации затрат, связанных с ликвидацией последствий”. И вот уже Министерство промышленности и торговли, которое тогда возглавлял Виктор Христенко, проводит совещание, на котором принимается решение, что нужно считать необходимым оказать помощь государства этой шахте.

Слушайте, что же это такое? Эти миллиардеры, а Козовой тоже совладелец шахты, каждый год получают огромные прибыли. А прибыли идут от того, что, в отличие от советского времени, когда основная часть средств вкладывалась в создание безопасных условий труда, сегодня частные владельцы покупают высокопроизводительное оборудование. В итоге угля добывается намного больше, чем в советские годы. Импортные комбайны стремительно загружают вагоны углём, который весь уходит на продажу, в том числе за границу. Принося гигантские прибыли, идущие частным владельцам. На безопасность труда, в том числе на дегазацию, на зарплату людям за их смертельно опасную работу под землёй любители “суши на обед” тратят гроши.

Я не знаю, выделил ли Путин тогда деньги. Но надо бы поглядеть на пример Соединённых Штатов, на которые нас всё время призывают равняться. В Мексиканском заливе произошла авария на нефтяной платформе фирмы BP. И был нанесён большой ущерб экологии этого места региона. Президент Обама заявил, что США не выделит ни одного цента собственникам этой компании для ликвидации последствий аварии.

Вот как поступают те, на кого нас призывают равняться!

Разумеется, такие публикации вызвали нестерпимый гнев властей всех уровней. И журнал был, как кость в горле, у правящей власти. И вдруг мы узнаём, что Юрия Хренова снова собираются отправить на пенсию. Тогда мужчины на пенсию уходили в 60 лет, а ему уже исполнилось 65, пора уходить.

Я пошёл к председательнице комиссии Совета Федерации по информационной политике Нарусовой. Спрашиваю: “Людмила Борисовна, какие основания отправлять Хренова на пенсию?” – “Ну как же, Вячеслав Иванович, ведь человек уже поработал, ему надо отдохнуть, дать другим дорогу. Уже возраст всё-таки большой”. Я говорю: “А как же Урхо Калева Кекконен, который в 80 лет руководил Финляндией? А как же Конрад Аденауэр, который в таком же возрасте вёл корабль ФРГ?” Она мне: “Да, генерал де Голль тоже дожил до почтенного возраста, был президентом Франции”. Я говорю, что, вот видите, оказывается, дело не в возрасте. Ведь можно быть стариком в 20 лет и молодым по уму, по хватке, по интеллекту в 60–70 лет. В общем, в тот раз удалось снова отстоять Хренова, значит, спасти журнал.

Всякий раз, когда на Хренова давили, чтобы он шёл на пенсию, Юра медленно, как он всегда говорит, замечал: “Брошу это дело, ну его к черту, журнал, уйду”. Лукавил, конечно, Юрий Алексеевич. Не очень хотелось ему расставаться с властью. Да и я помогал ему в этом, искренне заявляя: “Нет, Юра, это не твоё личное дело бросить сегодня журнал. Мы все его создавали таким, какой он сейчас. И ты, и Руслан, и Черняк, и Ефимов, и я, и другие – всё наше журналистское ядро. И потому нельзя просто так бросить наше большое общее дело”.

Но было уже видно, что журнал раздражает своей позицией, своей политикой, своим показом действительности России не только исполнительную власть: правительство, администрацию президента, но и руководство Совета Федерации и Госдумы. А ведь что такое парламент? Это же структура, которая должна отстаивать интересы народа. А о чем писал журнал? О том, как попираются интересы народа, как разворачивается народное добро, как не наказываются те, кто ворует, что подаёт пример другим тоже воровать.

По уровню коррупции Россия недавно опустилась на 40-е место. То есть мы где-то между Нигерией и ей подобными государствами. Казалось бы, парламент должен поддерживать издание, которое, конечно, не только рассказывает об этих безобразиях, но пишет и о деятельности Федерального Собрания, о том, какие законы принимаются и какие обсуждаются, причём рассказывает интересно. Нас читали по всей стране. Ведь только же представить можно, что наше Федеральное Собрание с уровнем популярности, как говорили, ниже плитуса, имело издание, которое расходилось по всей России.

Но руководству Парламента и, прежде всего, – Совета Федерации нужна была тишина и гладь. Потому что в палате тоже были очень и очень факты неприятные.

Сенаторий

Освещать работу Совета Федерации я начал с первого дня формирования этой верхней палаты. Встречался с десятками людей, которые сначала скромно называли себя, как и положено по Конституции, членами Совета Федерации, а потом всё чаще и чаще стали именоваться на иностранный манер сенаторами.

Разные они были – эти так называемые сенаторы. В первом созыве – шумные, критически настроенные по отношению к поступающим из Госдумы законам. Ведь роли двух палат разные. Госдума закон принимает и направляет его в Совет Федерации на одобрение. А поскольку правовое поле новой России только “заседалось”, поскольку в Государственную Думу пришли не только сами бизнесмены, заинтересованные в том или ином законе, но и лоббисты капитала, в том числе грязного, нередко законы принимались с явной целью разрешить какому-нибудь крупному бизнесмену получить ещё больше прибыльных льгот. После свершения этой акции в закон вносилась поправка, отменяющая льготу.

В Совете Федерации не все были сторонниками таких “карманных” законов. Недавно я пролистал список первых членов Верхней палаты. Бог ты мой, набралось не больше десятка из 168 человек, с которыми я тогда не встречался, не задавал вопросов, не делал интервью. Некоторые запомнились особо твёрдой позицией против правовых актов, полезных узкому кругу нужных людей.

Выделялся бывший военный лётчик, подполковник Пётр Станиславович Волостригов, представлявший в Совете Федерации Ханты-Мансийский автономный округ. Он, как и некоторые другие, считал недопустимым одобрять законы-однодневки. Разумеется, такие члены Совета Федерации были не нужны власти, опирающейся на капитал. Ей требовалась “утвердительная палата” из удобных соглашателей.

Правда, сделать её таковой удавалось не сразу. Как я говорил, самым боевым, принципиальным был Совет Федерации под руководством Егора Семёновича Строева; он состоял из губернаторов и руководителей Законодательных Собраний регионов. Там уже было больше соглашателей, чем в первом созыве.

Но всё же “первую скрипку” играли те, кто твёрдо отстаивал интересы регионов. Москва всё решительнее захватывала экономическую и политическую власть себе, оставляя в федеративном государстве субъектам Федерации роль просителей и угодников. Поэтому придумали новую трансформацию палаты.

Теперь сюда пришли представители региональной власти. Но к тому времени и сама власть там, и тем более её посланцы в Верхнюю палату становились всё меньше зависимыми от воли народа. В отличие от воли Кремля и правительства.

Не могу сказать о подавляющем большинстве таких сенаторов в палате. Оставались те, кто понимал свою высокую роль в создании правового государства. Одним из них был Анатолий Григорьевич Лысков – председатель комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам. Человек с мужественной биографией.

Будучи старшиной на подводной лодке, предотвратил пожар и гибель судна. После учёбы в Московском университете стал юристом, прошёл серьёзную работу в МВД, ФСБ, прокуратуре. О его квалификации как следователя

говорит такой факт: при расследовании одного “хлопкового” преступления он возбудил больше шести тысяч уголовных дел. При обсуждении поступивших из Госдумы законов изучал их с такой скрупулёзной дотошностью, что далеко не каждый получал одобрение его комитета. Разумеется, такой сенатор был не угоден кремлёвской власти. Его комитет в конце концов присоединили к другому, а Лыскова вынудили уйти на пенсию.

Героическое прошлое было и у Валентины Александровны Петренко. В декабре 1993 года несколько уголовников ворвались в одну из школ Ростова-на-Дону, где захватили группу детей. За освобождение школьников потребовали вертолёт и 10 миллионов долларов. В переговоры с террористами вступила замглавы администрации Ростовской области Валентина Петренко. Она предложила себя в качестве заложницы, чтобы бандиты отпустили детей. Постепенно всех школьников освободили, частично выполнив требования бандитов. На предоставленном вертолёте они вылетели в Дагестан. Там их и захватили. А Валентина Александровна была награждена орденом “За личное мужество”.

В Совете Федерации она возглавила комитет по социальной политике и здравоохранению, с самыми, пожалуй, болезненными проблемами для населения. При этом одновременно шаг за шагом разворачивала заботу о детях страны, заслуженно получив неофициальное имя “Главная мама России”.

Заметно выделяющимся среди других членов палаты стал заместитель председателя Совета Федерации Вячеслав Анатольевич Штыров. Человек масштабного ума и видения, по сути дела, спасший со своей командой для России алмазно-добывающую отрасль страны и компанию АЛРОСА, он перед приходом в Совет Федерации был президентом Республики Саха (Якутия). Хорошо знающий проблемы Дальнего Востока не только потому, что сам вырос там, Штыров, придя в законодательный орган России, сразу стал заниматься разработкой законопроектов, способных обеспечить эффективное и быстрое развитие этого стратегически важного региона.

Как известно, в западном мире мы сплошь и рядом встречаем законы, названные именами тех или иных парламентариев. И только у нас личная инициатива растворяется в так называемом коллективном творчестве. Целый блок предложенных им законов Вячеслав Штыров определил как “Кодекс Дальнего Востока”.

Много лет на него не обращали публичного внимания, откусывая при этом идеи предлагаемых законодательных актов, не называя, однако, имени автора. Наконец, спустя десять с лишним лет идеи, заложенные Штыровым в “Кодекс”, стали активно предлагаться к реализации. Правда опять-таки только предлагаться и всё так же без упоминания имени автора.

Но Вячеслав Анатольевич Штыров, который пришёлся не по нутру некоторым окруженцам Путина за то, что публично критиковал их на пленарных заседаниях за экономические просчёты и неумение руководить, уйдя из Совета Федерации, переживает не столько за своё авторство обширного Кодекса, сколько за ответ на вопрос: удержит ли Россия свой Дальний Восток? При этом активно использует средства массовой информации, различные ресурсы интернета. О том, насколько масштабны и дальновидны размышления Штырова по поводу того же Дальнего Востока, говорят такие факты. Одна из его бесед с главным редактором газеты “Аргументы недели” Андреем Угловым вызвала 1 миллион 400 тысяч просмотров. Другая – почти полмиллиона.

Активно присутствует Штыров в социальных сетях. Его цитируют, на его высказывания ссылаются. Неудивительно, что самыми популярными среди населения Республики Саха (Якутия) являются два человека. Её первый президент Михаил Ефимович Николаев и второй президент Вячеслав Анатольевич Штыров.

Но вернёмся к палате регионов. Как правило, наиболее активными были сенаторы от законодательных собраний. Например, редко на каком заседании не выступал Вячеслав Александрович Новиков, представлявший в Совете Федерации Заксобрание Красноярского края.

Он был заместителем председателя комитета по бюджету, а там, где деньги, там споры. Энергичный, эрудированный, разбирающийся в бюджетных проблемах не хуже работников Министерства финансов, Вячеслав Александрович был головной болью для тех в правительстве, да и в парламенте тоже, кто стремился оторвать жирный кусок пирога на стол своего и без того сытного обеда, обделив тем самым подлинно нуждающиеся регионы.

Совсем другой стиль работы был у представителя парламента Якутии Александра Сафроновича Матвеева. Он довольно редко выступал на пленарных заседаниях. Придя в палату регионов, он стал заместителем председателя комитета по делам Севера и малочисленных народов. Через некоторое время возглавил его. Поэтому ещё до заседания палаты закон со всех сторон “обкатывался” в комитете. Вот тут Александр Сафронович мог подолгу, как он говорил, “держать стойку на языке”.

Сам проживший на Севере почти всю сознательную жизнь, Матвеев прекрасно знал проблемы этой огромной части Российской Федерации. Горячий, далеко не северный по натуре, он тем не менее был человеком сдержанным, ценил слово, как добываемое на Севере золото. Под его руководством Комитету удалось решить даже застарелые проблемы жизни и быта малочисленных народов.

Конечно, в Совете Федерации больше позитивных членов палаты, чем я здесь назвал. Но чтобы сказать хотя бы кратко обо всех, нужна книга. При этом книга, повествующая как о светлых, так и о тёмных сторонах жизни Сената. Наблюдая в течение многих лет эту жизнь, я дал название Верхней палате “Сенаторий” и начал писать книгу под таким названием.

Соединение слов “сенат” и “санаторий” было неслучайным. Те, кто попадал сюда, заметно выбивался из общей чиновничьей массы. Возьмём тех же правительственных чиновников высокого ранга. Там тоже была лафа, бытие тоже отдавало малиной. Высокие зарплаты и неведомые миллионам граждан страны блага осыпали зачастую никчёмных людей. Однако тут были какие-то конкретные задания со сроками исполнения, за что-то требовались отчёты. Словом, жила кое-какая дисциплина. При парламентской фракционности Госдумы тоже надо было соблюдать строй и шаг.

А в Совете Федерации, особенно в первые его десятилетия, были и зарплаты в сотнях тысяч, и блага социальные высокого уровня, и дисциплина шалай-валяй. Один “парламентский туризм” чего стоил. Прикрываемые фиговым листком парламентской дипломатии, сенаторы с удовольствием катались по странам и континентам. При этом кое-кто, пользуясь высоким статусом, не забывал лелеять свой бизнес.

Однако важным, если не главным благом сенаторства был парламентский иммунитет. Он позволял некоторым спокойно сидеть в зале заседаний вместо камеры заключения.

Одним из тех, кто воспользовался этим благом на полную катушку, стал бывший 1-й замминистра финансов России Андрей Вавилов. Как сообщал в своём Telegram-канале депутат Госдумы Александр Хинштейн: “Вавилов считается автором и идеологом множества коррупционных финансовых схем”. И приводит длинный перечень уголовных дел, в которых тот был фигурантом. Хинштейн пишет: “Комиссия Госдумы по борьбе с коррупцией прямо обвиняла его в причастности к ряду коррупционных преступлений, оценивая ущерб бюджету от его действий более, чем в два миллиарда долларов”.

Но мы возьмём из всех дел только то, которое привело Вавилова в Сенаторий. В 2001 году Главная военная прокуратура, расследуя хищения из бюджета Минобороны 327 миллионов долларов, обвинила Вавилова в злоупотреблении служебными полномочиями.

Однако Генпрокуратура, которой руководил Владимир Устинов, дело изъяла. Тем самым открыв коррупционеру дорогу в Совет Федерации. В 2002 году он стал сенатором от исполнительной власти Пензенской области. То есть от губернатора Василия Бочкарёва. И несколько лет человек, на котором, как говорится, негде было клейма поставить, занимал кресло в Верхней палате российского парламента. Вместо скамьи подсудимых.

Именно парламентская “крыша” не позволила привлечь его к уголовной ответственности из-за хищения 231 млн долларов, выделенных из бюджета для самолётостроительной корпорации “Миг”. В 2007 году Верховный суд России признал в действиях Вавилова наличие состава преступления (мошенничество, злоупотребления). Однако в 2008 году Следственный комитет прекратил преследование Вавилова за истечением срока давности. И, хотя это решение Вавилова не реабилитировало, сенатор с радостью согласился. Он досрочно вышел из состава Верхней палаты и покинул Сенаторий.

Один этот “сенатор” ставит жирное тёмное пятно на репутации Совета Федерации. А их, согласно криминальной статистике, недопустимо много.

Взяточники, казнокрады, убийцы, насильники... Вот только несколько примеров из богатой уголовной биографии Сенатория. В 2008 к девяти годам колонии осуждён за взятку бывший член Совета Федерации от Калмыкии Левон Чахмахан. В следующем, в 2009-м к четырём годам колонии приговорён бывший член Совфеда от Свердловской области Андрей Вихарев за мошенничество и отмывание денег. В 2010 бывший сенатор Игорь Измestьев получил пожизненный срок за убийство. В 2011-м за изнасилование сел в тюрьму бывший сенатор Игорь Провкин.

Я назвал только часть фигурантов уголовных дел, поменявших скамью законодателя в Верхней палате российского парламента на скамью подсудимых. А всего их – десятая часть состава. И большинство гневалоcь на любую печатную критику власти. Яркий пример тому реакция Совета Федерации на книгу Виталия Гулия “Подножие российского Олимпа. Штрихи к портрету современного чиновника”.

Но сначала об авторе. Виталий Гулий – сахалинский журналист, был избран народным депутатом СССР. После разрушения Союза стал полномочным представителем президента Ельцина на Дальнем Востоке. Долгое время работал в администрации президента. Наконец, не один год руководил Аппаратом комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества.

Как видим, жизнь разнообразного чиновничества, причём самого верхнего слоя, наблюдал, что называется, воочию. Поэтому в книге есть ирония, юмор, но больше строгих картин соцреализма. Например, довольно подробно глава “В палате регионов” описывает жизнь, работу и даже быт Сенатория. Как я уже говорил, и это показал в своей книге Гулий, самый боевым и принципиальным составом Совета Федерации был тот, в который входили губернаторы и руководители Законодательных собраний России.

Большинство из них, заботясь о благе страны, то и дело оспаривали законы, принятые Госдумой в угоду президенту Ельцину, его клевретам и олигархам. Правда, некоторые начинали себя вести, как потенциальные главы российских бантустанов. Один заговорил об отдельной уральской республике. Другой – о сибирской. Третий – о дальневосточной.

Всё вместе взятое, особенно ответственное понимание федерализма в Российской Федерации, делало верхнюю палату на Большой Дмитровке для верхней власти в Кремле вроде ежа в мешке. И потому очень хотелось этого зверька остричь. Иначе говоря, сделать Совет Федерации ручным. 26 марта 2000 года президентом страны стал Владимир Путин.

А в январе 2002-го по его инициативе произошла радикальная реформа Совета Федерации. Теперь сюда на постоянную работу направлялись представители губернаторов и Заксобраний. Сами же руководители регионов теряли возможность влиять на политику президентской власти.

Но положение посланцев было весьма шатким. Они напоминали пассажиров, которые в любой момент могли отстать от поезда. Так называемые сенаторы были абсолютно не защищены от воли и капризов направивших их в Москву властителей. Нередки были случаи, когда неплохо работающий член Совета Федерации узнавал даже не от губернатора, а из средств массовой информации, что он отозван и, как говорится, теперь сам никто и звать никак.

В 2001 году вместе с другими новобранцами в Совет Федерации пришёл в качестве представителя от Заксобраний Санкт-Петербурга Сергей Михайлович Миронов. В армии был десантником и всю дальнейшую жизнь гордился этим. По основной профессии – геолог. Несколько сезонов работал в Монголии, где открыл месторождение урановой руды. Вернувшись в Санкт-Петербург, включился в политическую борьбу. Стал депутатом Заксобраний и впоследствии от него был послан в Совет Федерации, где вскоре его избрали председателем палаты.

Новый порядок её формирования породил некоторую вакханалию. Дисциплина была приблизительной. В качестве посланцев сюда попёрли разного рода олигархи. Главным для них было лоббирование собственных экономических интересов. Когда из Госдумы приходили законы, касающиеся бизнес-империи того или иного богача, только тогда этого сенатора и можно было видеть в здании на Большой Дмитровке. При этом некоторых не удовлетворяла обстановка и кабинеты в палате регионов. Сбросив с барского плеча приличную сумму денег, они перестраивали доставшееся им место работы на свой вкус и лад.

Например, председатель комитета по экономической политике Оганес Оганян пристроил к своему кабинету даже персональный туалет. С размахом переделал место работы сенатор Борис Шпигель. Вместе с тем, многие сенаторы из олигархов и банкиров месяцами не бывали на заседаниях. А те, кто приезжал на шикарных лимузинах, зачастую не принимали никакого участия в работе верхней палаты.

Я лично знал “сенаторов”, которые никогда, буквально ни единого раза за весь срок пребывания в Совете Федерации не выступили на пленарном заседании по какому-нибудь поводу. То ли немые были, то ли глухие. Но очень богатые. Глядя на именитых прогульщиков, нередко пропускали заседания и другие посланцы регионов.

Видимо, так понимал парламентскую демократию Сергей Михайлович Миронов. Однако сам он проявлял всё больше требовательности к поступающим законам. Тем более что это вызывалось программой созданной им партии “Справедливая Россия”. Бывали случаи, когда Миронов – председатель Совета Федерации – голосовал за одобрение закона, а Миронов – председатель партии, выйдя из зала заседаний, критиковал его как антинародный. Хотя все знали, что за этим законом стоит Путин.

Долгое время такое раздвоение воспринималось как согласованное с президентом. Сергей Михайлович и Владимир Владимирович сравнительно давно знали друг друга. Миронов даже был в 2000 году доверенным лицом кандидата в президенты Путина. И когда стал приближаться конец второго срока путинского президентства, в политических кругах началась невообразимая возня. Стали гадать: кому передаст Путин бразды правления. Назывались разные фамилии: Сергей Иванов, Дмитрий Медведев, Дмитрий Козак, Сергей Миронов. Журналистская братия взялась дотошно выискивать в каждом признаке благонадёжности для президента и величия для страны.

Я, грешным делом, тоже ввязался в описание одного из потенциальных преемников. По просьбе одной крупной питерской газеты написал большой очерк о Миронове. Но Путин ушёл, оставив Медведева. Ушёл, чтобы потом вернуться навсегда.

Мироновский Совет Федерации был примечателен не только шалей-валяйной дисциплиной. Здесь стали плодиться, как кролики, всё новые и новые структурные подразделения. Для наделения должностями важных и влиятельных представителей регионов создавались разного рода подкомитеты, постоянные комиссии. Они порой дублировали обязанности ведущих комитетов, но зато сюда можно было пристроить нужных людей. А это – персональная машина, кабинет, желательны с приёмной, несколько человек аппарата и вдобавок статус заместителя председателя какого-нибудь важного комитета.

Например, у председателя комитета, где руководителем аппарата работал Виталий Гулий, появилось сразу три первых заместителя. Одним из них стал человек, которому автор книги посвятил отдельную главу. Это Борис Исакович Шпигель.

В 2012 году, после возвращения Путина в президенты, произошла последняя реформация верхней палаты. Самым важным моментом стала защита членов Совета Федерации от необоснованного, порой капризного отзыва губернаторами и региональными законодателями. Теперь они могли заседать на Большой Дмитровке весь срок полномочий тех, кто направил их сюда. А за год до новой реформы в Совет Федерации пришла и возглавила его Валентина Ивановна Матвиенко, бывшая до того губернатором Санкт-Петербурга.

Поначалу много говорили и писали о не совсем вроде бы легитимной её дороге в законодательную власть, на все лады крутили выражение экс-губернаторши “сосули”, которыми она называла свисающие с крыш замёрзшего города ледяные глыбы. Потом всё стихло, и Матвиенко стала править палатой, постеленной наведением там дисциплину. Коснулось это и Шпигеля, отношения которого с Гулием всё сильнее портились.

Дело в том, что Шпигель, параллельно с должностью в Совете Федерации, активно участвовал в работе находящейся за пределами России, международной неправительственной организации “Мир без нацизма” и Всемирного конгресса русскоязычного еврейства. Согласно уставам, эти структуры должны финансироваться исключительно за счёт частных пожертвований.

Однако благодаря Шпигелю их деятельность нередко обеспечивалась за счёт Совета Федерации, что вызывало возмущение работников аппарата и его

председателя Виталия Гулия. Ведь обе эти структуры не имели никакого отношения к палате регионов. Гулий прямо говорил об этом Шпигелю, писал докладные записки. Сенатор после каждого такого выпада бешенел от ярости. А тут ещё в интернете бурно вспыхнула история из прошлой жизни Бориса Исааковича. На разных сайтах было опубликовано решение Первомайского суда города Москвы о том, что в 1982 году Шпигеля осудили по ст. 120 УК РСФСР (развратные действия в отношении несовершеннолетних). В решении суда подробно описывались гей-похождения человека, который сделал в современной России головокружительную карьеру, несмотря на судимость.

На вопросы журналистов Шпигель говорил одно: на клевету не отвечаю. Его спокойствию можно было позавидовать. Вот как описывает сенатора Виталий Гулий: “Борис Шпигель – личность колоритная и весьма заметная во всех смыслах. В силу своих физических габаритов он передвигался по зданию Совфеда, заполняя собой окружающее пространство. Ходил всегда в окружении телохранителей и смазливых мальчиков-помощников. Если эта масса тел двигалась по коридору, то все попадавшие навстречу рисковали быть смятыми и потому либо ныряли в открытые кабинеты, либо прижимались к стенам. Вечно потеющий и тяжело дышащий, он почему-то не вызывал сочувствия к своим явным недугам, а наоборот – производил отталкивающее впечатление. Понимаю, что нехорошо заострять внимание на физических недостатках человека, но порой они полностью совпадают с его внутренним содержанием”.

Это из книги Виталия Гулия. Подозреваю, что такое описание вызвало дополнительную злобу Шпигеля к автору. Но за одну неприязнь к “борцу против нацизма” автора сурово осудить нельзя. Помогла глава под названием “Евреи во власти”. Ох, уж этот “еврейский вопрос”! Почему-то вора по национальности русский, татарин, украинец, калмык, даргинец, бурят вором назвать можно. А вот если назвать осуждённого за воровство еврея вором – это антисемитизм. Безобразия какое-то. Извращённость.

В главе, о которой речь, по оценкам видных юристов – членов Совета Федерации, – ничего криминального не было. Но Шпигель решил, что надо воспользоваться случаем. И вот председателю комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишасу поступает письмо от председателя исполкома Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Р. Хазановой. В нём она сообщает: “В этой книге рассказываются всякие безобразия, в том числе о евреях. В ней имеются признаки антисемитизма и правого радикализма”. Но поскольку в книге довольно негативно представлен Б. Шпигель, Р. Хазанова сообщает: “Я с большим уважением отношусь к Шпигелю Б. И. Он интеллигентный, эрудированный, бесконечно добрый и отзывчивый. И, несомненно, он является одним из тех людей современной России, которые своими делами, знаниями и поступками увеличивают её значимость в современном мире”.

Понятны такие возвышенные отзывы Хазановой о Шпигеле. Ведь он её начальник в Конгрессе. И, как выяснилось в ходе следствия, книжку она не только не читала, но даже не держала её в руках. Ей, по словам Р. Хазановой, рассказал про неё Б. Шпигель.

Получив послание Р. Хазановой, А. Клишас информирует председателя Совета Федерации В. Матвиенко: “Книга содержит клеветнические инсинуации в отношении бывших и действующих членов Совета Федерации, руководства палаты, работников аппарата Совета Федерации, сотрудников администрации Президента Российской Федерации, руководства страны”. Валентина Матвиенко накладывает на письмо председателя комитета жёсткую резолюцию: “Клишасу А. А. Примите исчерпывающие меры по недопущению издания экстремистских книг и привлечению к ответственности виновных”.

Ах, как хочется многим из разномастных властителей сегодняшней России увидеть в критике их действий “клеветнические инсинуации”, закатать в асфальт безмолвия любое несогласие с их делами и поступками! В тот же день А. Клишас обращается к Генпрокурору страны Ю. Чайке, а через пару дней – к председателю Следственного комитета России А. Бастрыкину. И понеслось, закрутилось уголовное дело, где про автора книги написано: “Особо опасен”. Его помещали в камеру, таскали на допросы, пытались добиться признания, что он антисемит, подрывающий устои государства. Несколько лет он жил под подпиской о невыезде. Чтобы увидеть большую мать, живущую

в Приднестровье, просил у следователей специального разрешения. Мать, которая медсестрой прошла Великую Отечественную войну и войну с Японией.

Доказать преступный умысел так и не удалось, потому что его не было. И уголовное дело закрыли на основании истечения срока давности. Однако в феврале 2021 года Хамовнический суд Москвы рассмотрел обращение прокуратуры об отмене этого решения как необоснованного. Уголовное дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Виталий Гулий победил. Дорогой ценой. Одно утешает, что засуетились представители разных издательств с просьбой разрешить переиздание книги “Подножие российского Олимпа. Штрихи к портрету современного чиновника”. Значит, о прежней жизни Сенатория и его героях, включая Б. Шпигеля, узнают многие люди.

Правда, уже после вынужденного ухода из Совета Федерации открылись новые, гораздо более криминальные факты из деятельности Шпигеля. В марте 2021 года экс-сенатор и лекарственный магнат был арестован Басманным судом Москвы по подозрению во взяточничестве. Следствие считает, что Шпигель за взятки губернатору Пензенской области Ивану Белозерцеву получил конкурентные преимущества для группы принадлежащих ему компаний “Биотэк” при заключении госконтрактов на поставку лекарств медучреждению Пензенской области.

Нынешнее уголовное дело Шпигеля не имеет отношения к Совету Федерации. Ну, был когда-то сенатором, а сейчас попался. Эта некрасивая история скорее для раздумий членам двух общественных организаций: “Мир без нацизма” и Конгресс русскоязычных евреев. Им решать: может ли человек с такой репутацией возглавлять данные структуры?

Но сказать, что палата регионов кристально чиста в криминальном отношении, значит погрешить против истины. Прежде я уже назвал несколько примеров уголовщины. Они относятся к раннему периоду Совета Федерации. Но и в позднее время их стало не меньше, а больше. В 2015 году в Москве осуждён на шесть лет бывший член Совета Федерации Александр Сабадаш. В 2016-м за коммерческий подкуп приговорён к штрафу в пять миллионов рублей бывший председатель комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и рыбохозяйственному комплексу Геннадий Горбунов. В 2017-м приговорён к шести годам за мошенничество с недвижимостью бывший сенатор Девлетхан Алиханов. В том же году бывший член Совета Федерации Сергей Попельных осуждён на шесть лет за махинации при строительстве в Венесуэле завода по выпуску автоматов Калашникова. В 2018 году на 12 лет за организацию преступного сообщества осуждён экс-сенатор Дмитрий Скарга. Я уж не говорю об условных сроках, об аресте за границей.

Столь значительные посадки можно отнести на счёт активности правоохранительных органов. И, казалось бы, Сенаторий очищен от криминала. Но через некоторое время произошло невиданное. 30 января 2019 года прямо в зале заседаний арестовали сенатора от Карачаево-Черкесии Рауфа Арашукова по обвинению в организации убийства. И надо было видеть смятение его коллег, растерянность пожилой дамы, готовящейся разменять восьмой десяток – председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко.

Выходит, грязь на мундир Сенатория продолжает липнуть. А причина нечистоплотности посланцев в том, что их иногда посылают такие же руководители регионов. Я видел документ, где губернатор одной из областей дал расписку двум представителям организованной преступности, в которой обещал за помощь в выборах одного сделать своим заместителем, а второго послать членом Совета Федерации от этой области.

А сколько таких губернаторов по стране! Разве не настораживает тот факт, что от Пензенской области идёт в сенаторы сначала человек, увешанный судимостями, как медалями, а потом взяточник? И когда таким властителям в регионах заботиться о благе людей на доверенной им территории? Я уже говорил о том, что после аварии на шахте “Распадская” в Кузбассе в 2010 году, где погибло больше 90 человек, написал в нашем парламентском журнале статью “Господин хозяин и гражданин батрак”. В ней обвинял владельцев шахты в том, что, ради повышения доходов они вкладывали большие деньги в увеличение добычи угля, идущего на экспорт, и почти не заботились о безопасности труда шахтёров. В забоях скапливалось опасное количество метана, специальные датчики работали плохо, дегазация проводилась от случая к случаю.

Работавший в ту пору премьером Владимир Путин провёл обширное заседание. Были намечены многие меры для того, чтобы не допустить подобного в дальнейшем.

Прошло десять лет. И вот в ноябре 2021 года снова чудовищная авария в Кузбассе. В этот раз на шахте “Листвяжная”. Погиб 51 человек. И опять Владимир Путин – теперь Президент – проводит такое же большое совещание. Получается, что намеченные ранее меры были выполнены далеко не полностью. Даются новые задания.

А где же парламент? Где его палата регионов с предоставленным ей правом законодательной инициативы? Жизнь просто вопиет о необходимости закона, который должен ужесточить ответственность частных владельцев шахт и других предприятий за безопасность работы на них. Вплоть до их национализации! Но в Сенатории таких инициатив не любят. Здесь обожают гладь и тишину.

Недавно знакомый эколог из Архангельской области, подростком наблюдавший, как в его райцентре снимали с пьедестала и закапывали бюст Сталина, видя происходящее в стране, сказал: “Пора выкапывать Сталина”.

“А судьи кто?..”

Как можно убрать курс, как его можно сломать? Надо убрать рулевого. И тогда корабль собьётся с пути, налетит на рифы, утонет, и будет тишина. И уже без предупреждений, без ничего на Хренова начали давить, чтобы он ушёл на пенсию. Ему, по-моему, пообещали издать книгу стихов, если он уйдёт.

И Хренов ушёл. А вместо него поставили некоего Шарова. Я знал этого Сашу Шарова, мы вместе бывали в командировках. Когда был председателем Совета Федерации Сергей Михайлович Миронов, я много ездил с ним по разным странам, поскольку входил в журналистский пул. С нами ездил и Шаров как представитель пресс-службы Совета Федерации. У него всё время не задавалась карьера. В “Парламентской газете”, где он работал, ничего толкового не происходило. Газета была просто ужасная. Её, не читая, выбрасывали в мусорные корзины.

Чиновником пресс-службы он тоже себя не проявил. И вот его поставили главным редактором журнала “Российская Федерация сегодня”. Разумеется, не без участия спикерши Верхней палаты Валентины Матвиенко и её тогдашнего первого заместителя Александра Торшина, который, по данным испанской полиции и прессы, был связан с криминалом.

Главная надежда утвердителей была в том, что Шаров очень податлив, угодлив, исполнит всё, что нужно, чтобы не было никакого возмущения людей действиями власти. Естественно, коллектив с этим не согласился. Начались бурные дни. А Шаров пришёл не один, он привёл с собой сына, который встал на место Александра Кузнецова. Новый главный привёл и других людей с позициями, подобными его. Таким образом, стали перекрываться все пути для выхода нормальных публикаций.

Мне он предложил быть заместителем главного редактора. Я отказался. Больше того, вместе с Александром Викентьевичем Черняком и Лидией Сычёвой стал оспаривать методы ведения журнала.

Правда, и другие в коллективе не совсем соглашались с шаровским стилем работы. Но некоторые притихли, сидели молча, спрятавшись, чтобы их не трогали. И тогда Шаров придумал: он сократил наши должности, чтобы мы ушли. Мы обратились с письмами к Матвиенко, Председателю Совета Федерации, и Нарышкину, Председателю Госдумы. Написали и о том, что уже произошло на наших глазах.

Если в 2010 году у нас ежемесячный тираж доходил до 50 тысяч экземпляров, вы можете себе представить, парламентский журнал, не какой-то “Playboy”, не какая-то развлекуха, а издание серьёзное, но вот с таким тиражом. То на следующий год, в 2011-м, тираж упал и стал меньше 10 тысяч. Сайт нашего издания по посещаемости занимал 27-е место из 1250 журналов. В 2011 году он опустился в третью сотню. И последнее, что сделала эта команда: они уничтожили архив журнала за много лет, то есть сделали так, чтобы никто не имел возможности сравнить, что было и что стало.

Мы напрасно обращались к Матвиенко и к Нарышкину. Но главным образом к Матвиенко, потому что журнал считался как бы изданием Совета

Федерации. У Госдумы была “Парламентская газета”, Госдума её курировала. Матвиенко нас не приняла. Нам передали, что нашим обращением будет заниматься её первый заместитель Торшин.

Валентина Ивановна Матвиенко совсем не собирается на пенсию. А Хренова, который был намного моложе, убрали. На самом деле ей нужна была тишина, гладь и никаких даже малейших критических публикаций относительно действий власти. А поскольку нам сказали, что вопросами нашими будет заниматься Торшин, мы с Александром Черняком договорились о встрече с ним.

Я всегда настороженно относился к этому маленькому, толстенькому и на вид рыхлому человеку. Какой-то он был непонятный, какой-то вроде как скользкий. Не очень заметный, он, похоже, действовал “тихой сапой”.

Уже перед нашим разгромом я дал критическую корреспонденцию о его идее, с которой он носился, как курица с яйцом, о том, чтобы вооружить население России короткоствольным оружием, то есть пистолетами. Сославшись на мнение экспертов, разного рода специалистов, в том числе юристов, я оспорил эту идею. При заметной российской черте неуважения к закону дать ещё возможность завладеть миллионам людей оружием – это значит устроить расстрелы в государстве. У нас и так население стремительно убывает, а тут ещё будет свобода выстрелить...

Недавние статистические сведения показали, что за три года Россия потеряла 500 тысяч человек. Не прибавилось, а убавилось полмиллиона людей. Это не считая огромного количества смертей от ковида-19. А Торшин как член американской Ассоциации оружейников ещё предлагал вооружить миллионы граждан России пистолетами! Слава Богу, эта сумасшедшая идея не реализовалась.

Немало возмущения вызвала и другая затея Торшина. А именно: ребятишек из детдомов с Русского Севера передавать в семьи жителей Северного Кавказа. Когда люди услышали об этом, у многих возник вопрос: нормальный ли человек предлагает такое? Тогда ещё не везде было мирно и спокойно на Кавказе.

Торшин уверял, что для них будет другой климат, другая религия, дети будут расти в другой культуре. Но и дураку было ясно, что из этой затеи выйдет только ущерб для русского народа. Ещё открывались факты, где в глухих аулах содержались на положении рабов русские люди. А здесь детей отдать с раннего возраста на воспитание в чуждый им мир и тем самым наладить воспитание шахидов и боевиков в будущем.

Вот такие полусумасшедшие идеи выдвигал первый заместитель Председателя Совета Федерации Торшин, который, кстати говоря, несколько месяцев выполнял обязанности руководителя Верхней палаты нашего парламента. А Председатель Совета Федерации по нашей Конституции – это третий человек в государстве.

Но мы ещё тогда с Черняком не знали многих вещей, которые стали открываться позднее. Торшин нас принял. Мы рассказали о положении в журнале, о том, что издание гибнет. И если им это нужно, то они получили то, что надо. А если они хотят сохранить необходимый для парламента журнал, то надо принимать соответствующие меры. Торшин, мягко воркуя, сказал: да, мы рассмотрим и, думаю, поправим это положение. Обязательно поправим!

Мы ушли. На следующий день нас уволили. А Торшин засветился ещё в неприглядной истории с арестом своей помощницы Марии Бутиной в США. Ей грозил большой тюремный срок, но она пошла на сделку с правосудием, и её освободили раньше. Однако в ходе следствия всплыла фамилия Торшина. ФБР запросила испанскую полицию. Дело получило огласку, и наша власть, снисходительная ко всяким отечественным прохиндеям, вынуждена была убрать Торшина. Сначала из Совета Федерации в Центробанк, а оттуда – на пенсию. Сейчас он – частное лицо. Судя по сообщениям, не бедствует.

А мы ушли каждый кто куда. Я с большим удовольствием занялся литературой, которой раньше отдавал время лишь урывками. Написал роман “Крик совы перед концом сезона” – о том, кто и как разрушал Советский Союз. Александр Черняк тоже написал несколько книг. Одну из них – об истории журналистики. Назвал её: “От литеры до цифры”. А Лида продолжает свою литературную работу и ведёт интернет-журнал “Мол.Око”, и недавно выпустила книги “Мы всё ещё русские” и “Мёд жизни”.